

Новая история от автора трилогии
«Я ГОВОРИЛ, ЧТО...»

18+

*Я говорил, что
лучше промолчать?*

Э С Т Е Л Ь

МАСКЕЙМ

Эстель Маскейм
Я говорил, что
лучше промолчать?
Серия «Модное чтение. Проза
Анны Тодд и Эстель Маскейм»
Серия «Я говорил, что...», книга 4

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63802631
Я говорил, что лучше промолчать?: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-113646-8

Аннотация

Тайлер Брюс – парень с определенной репутацией: яркий, красивый, дерзкий, всегда хозяин положения. Он знает, чего хочет.

Когда в его дом на лето приезжает сводная сестра Иден, между ними завязываются странные отношения. Иден кажется, что за нарочито грубым поведением Тайлера что-то скрывается. Его гложут болезненные воспоминания, о которых он ни с кем не хочет говорить, скрываясь за маской цинизма. Но стоит Иден поднять эту тему, как привычный мир вокруг нее стремительно меняется.

Содержание

1	5
2	10
3	22
4	30
5	39
6	45
7	59
8	67
9	74
10	80
11	98
12	103
13	120
14	126
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Эстель Маскейм Я говорил, что лучше промолчать?

Estelle Maskame

Just Don't Mention It

© Пальванова Е., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Посвящаю эту книгу своим замечательным
читателям.*

Пятью годами ранее

Ерошу и без того взлохмаченные, мокрые волосы. Запястье плохо сгибается. Уже целый час я лежу в ванне, то и дело погружаясь в воду с головой и отсчитывая, как долго могу не дышать. Пока что мой рекорд – девяносто три секунды. Маловато.

Сажусь на край ванны и тянусь к шкафчику над раковиной за упаковкой обезболивающего. Осталось всего несколько таблеток. Надеюсь, мама скоро купит еще. Достаяю две таблетки и, зажав их в кулаке, наполняю стакан водой. Глотаю одну за другой; остатки воды выливаю в раковину.

Повернувшись боком, разглядываю в зеркале шрамы на спине. Возле лопатки виднеется свежая царапина; хорошо, что кровить перестала. Под ней переливается багровым и фиолетовым огромный синяк. Дотрагиваюсь до него и чувствую глубоко под кожей тупую, ноющую боль. Я бы принес льда из кухни, но тогда придется пройти мимо гостиной, а я не хочу привлекать к себе внимание. Уже поздно, двенадцатый час. Я давно должен быть в постели: завтра в школу.

Встаю и убираю оставшиеся таблетки в шкафчик. Кладу их на вторую полку сверху – выше не достаю – и придвигаю к самой стенке. Конечно, завтра они мне понадобятся. Закрыв шкафчик, вижу свое отражение и только сейчас замечаю на

нижней губе ранку. Подавшись вперед, рассматриваю ее, зажав губу между пальцами. Ранка уже заживает. Не помню, когда она возникла, но точно не сегодня.

Покачав головой, отодвигаюсь от зеркала. Неважно, когда я ее схлопотал. Как только она заживет, ее сменит другая. Появятся новые синяки, новые ушибы.

Продолжаю разглядывать себя в зеркале. Спина сгорблена, уголки губ опущены, глаза ввалились и потускнели. Откидываю со лба челку, открывая глубокую горизонтальную ссадину. Она очень долго не проходит, и я уже начинаю волноваться, как бы на ее месте не образовался шрам. Торопливо загораживаю ссадину волосами и, отвернувшись от зеркала, натягиваю футболку. Футболку я вынужден носить постоянно, чтобы закрывать потемневшие синяки на спине. Стоит одному зажать, на его месте неизменно появляется другой. Надеваю шорты и, спустив воду из ванны, небрежно швыряю туда влажное полотенце. Последний раз бросаю взгляд на зеркало. Синяков не видно, можно идти.

Осторожно выхожу в коридор. Свет выключен, темно. На цыпочках пробираюсь к лестнице. Дверь в гостиную приоткрыта. Родители смотрят какое-то шоу: до меня доносятся их голоса и смех, а еще шум от телевизора. Они сидят в обнимку на диване. Отец нежно прижимает маму к себе, уткнувшись ей в волосы. Мама смеется, хотя вид у нее усталый. Она вернулась с работы всего час назад, как раз когда я заходил в ванную.

Поднимаюсь на второй этаж. Мягкий ковер заглушает звук шагов. Вижу впереди проникающий сквозь дверной проем свет, который я так и не выключил. Перед тем как идти к себе, захожу в комнату справа, к братьям.

Глаза привыкают к темноте, и я различаю самого младшего, Чейза. Он спит на животе, обняв подушку и свесив одну ногу с постели. На кровати напротив тихонько посапывает Джейми. На лбу у него шишка: сегодня мальчик из класса случайно попал в него мячом во время игры в бейсбол.

Как бы я хотел, чтобы мои синяки тоже были чистой случайностью.

Прикрываю дверь, оставив небольшую щелку для Чейза, который все еще боится темноты, и иду в свою спальню.

За этот час в комнате ничего не изменилось. На полу по-прежнему валяются тетрадные листки, на которых я делал задание по алгебре и, очевидно, выполнил его недостаточно хорошо. Один из листков порван в клочки: именно на нем было то уравнение, которое я решил неправильно. Всего одна ошибка – и вся работа забракована, пусть это всего лишь задание для седьмого класса. Сдавать его нужно только на следующей неделе, но придется завтра же все переписать и надеяться, что на этот раз он будет доволен.

Собираю листки с пола и, запихнув их в рюкзак, гашу свет. Забираюсь в постель, вздрагивая от боли, осторожно переворачиваюсь на правый бок. Целую вечность лежу в темноте, подтянув одеяло к подбородку и уставившись в стену.

Я каждую ночь долго не могу заснуть.

Подняв левую руку, разминаю пальцы и запястье. Вообще-то я должен выполнять это упражнение как можно чаще, но все время забываю. Я целые четыре недели носил гипс, и теперь запястье почти не сгибается. Наверное, пройдет еще несколько недель, прежде чем руку удастся разработать.

Кто-то поднимается по лестнице. Спешу закрыть глаза и делаю вид, что сплю. Я отлично наловчился притворяться. Стараюсь дышать глубоко и ровно, для достоверности даже приоткрываю рот.

Чуть разлепив веки, различаю на пороге силуэт. Сомнений нет: это он. Как всегда.

Дверь тихо закрывается, через несколько секунд в комнате раздается звук шагов. Не знаю, зачем он здесь на этот раз. Очень хочется подсмотреть, но не решаюсь и лежу, не шелохнувшись. Он начинает чем-то шуршать. Судя по тому, что случилось сегодня вечером, роется в моем рюкзаке, пытаясь добраться до задания по алгебре. Опять тишина. Потом шорох. Глубокий вздох, напоминающий стон.

А потом – голос: «Прости меня, Тайлер». Непонятно, поверил ли он, что я сплю. Он часто просит прощения – совершенно неискренне. Если бы он и правда сожалел о том, что натворил, не было бы нужды повторять эти слова снова и снова. Ему всегда есть за что извиняться. И мне страшно.

Продолжаю лежать неподвижно. Он уйдет, только когда окончательно убедится, что я уснул. Видимо, у меня полу-

чилось. По крайней мере, он ничего больше не говорит. Однако не уходит. Гадаю, где он стоит: у двери или прямо возле меня.

Несколько секунд я усердно посапываю, мысленно умоляя его побыстрее убраться отсюда. Снова тяжелые шаги и скрип двери. И опять – вздох. Похоже, он сердится. Может, на меня, а может, на самого себя. Наверное, все-таки на меня, как обычно.

Наконец легкий стук: вышел, закрыв за собой дверь.

Вздыхаю с облегчением и оглядываю комнату. Сегодня он больше не придет, теперь можно спать спокойно. Только я, конечно, не засну. Уже несколько месяцев меня мучает бессонница. Я часто просыпаюсь и подолгу смотрю в потолок.

И все-таки ночь – мое любимое время суток. Приятно осознавать, что в течение следующих семи часов ты в безопасности. Хотя завтра все повторится. Буду сидеть на уроках и притворяться, что все в порядке. Прятать от мамы новые синяки и ссадины, которые обязательно появятся. И все они – дело рук моего отца.

Наши дни

В пиво явно что-то подлили: минут десять назад вкус был совсем другим. Наклоняю к себе бутылку и, зажмурив один глаз, заглядываю внутрь, пытаюсь понять, что туда подмешали, стоило мне отвернуться. Пиво пахнет ромом. Смотрю через дверной проем в кухню. Джейк Максвелл стоит спиной ко мне и, склонившись над столом, смешивает разные напитки, как заправский бармен. Ненавижу его.

– Что-то не так?

Оборачиваюсь к Тиффани. Последние минут пять она сидит, закинув длинные загорелые ноги на мои колени, положив голову мне на плечо. Замечаю, что она перестала водить пальцем по моей груди и изучающе глядит на меня снизу вверх. Ее ярко-голубые глаза обрамлены длинными густыми ресницами – вчера таких не было.

– Джейк считает, что подлить ром в пиво – отличная шутка, – поясняю я. Скрипнув зубами, опускаю бутылку на столик рядом с диваном и бормочу: – Иди ко мне.

Обнимаю Тиффани за плечи и притягиваю к себе. Она прижимается щекой к моей рубашке. Сейчас перепачкает ее косметикой, ну и плевать. Зато какие у Тиффани ноги! Начинаю поглаживать ее колено. Потихоньку веду ладонь выше, к бедру. Тиффани одета в обтягивающее черное платье.

це. Оно для нее коротковато, а я и доволен.

– Когда выдвигаемся?

– Около одиннадцати, – рассеянно отвечает Тиффани и, поощряя меня, сама направляет мою руку еще выше, под платье. Касаюсь ее кружевных трусиков.

Усмехнувшись, Тиффани выпрямляется и, щекоча губами мое ухо, с придыханием спрашивает:

– Сегодня ночуешь у меня?

Пару лет назад ее призывный шепот сводил меня с ума, а сейчас оставляет полностью равнодушным. Тиффани пытается удержать меня с помощью секса. И пока ей это удастся. Не убирая ладони с ее бедра, усаживаю Тиффани к себе на колени и, отбросив ее светлые пряди, целую в шею. Запрокинув голову и закрыв глаза, она ерошит мои волосы. Оставляю на ее коже засос. Тиффани утверждает, что терпеть не может эти отметины, но никогда меня не останавливает, так что, думаю, на самом деле ей все нравится.

Внезапно она отталкивает меня и вскакивает на ноги. Джейк врубил музыку так громко, что я не услышал, как открылась входная дверь. У Тиффани оказался более острый слух: она торопливо ставит бутылку на стол и оправляет платице, безуспешно пытаюсь натянуть его пониже.

– Мама! – суетливо бормочет она, устремляясь навстречу матери. – Ты же говорила, что вернешься поздно!

– А я и вернулась поздно. Уже половина девятого, – возражает Джилл, мама Тиффани. Прижимая к себе сумочку,

стуча каблуками по деревянному полу, она проходит в кухню и сразу замечает на столе выпивку. Джейк торопливо включает музыку. Джилл смотрит на дочь с осуждением. – Ты не предупреждала, что позовешь гостей.

Тиффани не оставляет попыток хоть как-то прикрыть коротеньким платьем голые ноги. Совершенно очевидно: ее мама не в восторге от происходящего.

– Я думала, к твоему приходу все уже разойдутся, – пожав плечами, объясняет Тиффани и складывает руки на груди, загораживая декольте.

– И куда вы собрались? – как обычно резким тоном спрашивает Джилл. Мы с Тиффани встречаемся уже несколько лет, и за все это время я ни разу не видел, чтобы ее мама улыбалась. Джилл – та еще сучка. Да и Тиффани хороша.

– На вечеринку. – Тиффани надувает губки. – Тут пока просто отсиживаемся. Нельзя же появиться на тусовке слишком рано, мам! Это неприлично.

– Ладно, – нехотя кивает Джилл. По тону понятно: наше присутствие ее не радует. – Только сделайте музыку потише. Голова трещит.

Джилл потирает виски и, поправив волосы, поворачивается к двери. Перед уходом кидает на меня уничижительный взгляд. А я машу ей рукой и нахально улыбаюсь, потому что знаю: ее это бесит.

Мама Тиффани меня терпеть не может. Невзлюбила с первого взгляда, хотя в то время мы с Тиффани были просто

приятелями. Джилл не хочет, чтобы ее дочь со мной встречалась, потому что уверена: я на нее плохо влияю. В чем-то Джилл права. С годами ее неприязнь ко мне только усилилась и постепенно переросла в неприкрытое презрение. Меня это мало волнует. Я совершенно равнодушен к Тиффани, а потому нисколько не стараюсь расположить к себе ее мамашу.

Стоит Джилл шагнуть за порог, как Тиффани прекращает терзать подол платья и, с облегчением откинувшись на спинку дивана, закатывает глаза.

– Она бывает такой занудой!

После чего подходит к колонкам и требует у Джейка снова включить музыку. Тот подчиняется, уменьшая, правда, громкость. Пока Тиффани и Джейк спорят, какие песни добавить в плей-лист и что кому налить, встаю и, приблизившись к ним, обхватываю Тиффани за плечи. Она с готовностью прижимается ко мне. Джейк искоса поглядывает на нас. Да, он может заполучить любую девушку, какую пожелает, только не Тиффани. Три года назад она предпочла меня, а не его. Думаю, Джейк мне этого в жизни не простит.

Достаю из упаковки пиво.

– А ту бутылку чего не допиваешь? – мгновенно интересуется этот придурок, приподняв брови и противно ухмыляясь.

Ради остальных наших приятелей мы притворяемся, что дружим. А зря! Так и хочется съездить ему по морде.

Нахмурившись, смотрю на него с угрозой. Обычно такого взгляда достаточно, чтобы все поняли: со мной лучше не связываться. Однако на Джейка это давно не действует. Фыркнув, он передает мне открывалку для бутылок – похоже, нарочно старается вывести меня из себя.

– Что это Дин и Мег так долго торчат на втором этаже? – невинно интересуется Джейк, поднимая бокал с мешаниной из разных напитков. – Я изобрел отличный экзотический коктейль. Хочу испробовать его на Дине.

Заглянув в бокал, убеждаюсь, что из экзотического в нем – только ярко-зеленый цвет.

– Я за ними схожу.

Отхлебнув пива, вразвалку направляюсь к лестнице, тебя волосы и помахивая рукой с зажатой в ней бутылкой.

Дверь в комнату Тиффани приоткрыта, и мне видно, как Меган с воплями босиком мечется туда-сюда, закрыв лицо руками. Дин молча наблюдает за ней.

– Что-то вы, ребята, не торопитесь, – замечаю я, заходя к ним.

Оба поворачиваются ко мне. Меган явно на грани истерики. Застонав, она бросается на кровать. Только сейчас я замечаю, что ее платье сзади расстегнуто. Подмигиваю Дину.

– Что, уже перепихнулись?

– Очень смешно, – вздыхает Дин и кивает в сторону Мег. – Молнию заело.

Меган с трагическим видом садится на кровати.

– Придется взять одежду у Тиффани, – шмыгая носом, объявляет она таким тоном, как будто наступил конец света.

Подумать только, впасть в истерику из-за какого-то там платья! Воздерживаюсь от комментариев, иначе Меган меня убьет.

– Дай-ка я. – Ставлю бутылку на комод и, рывком поставив Меган на ноги, захожу сзади и внимательно разглядываю молнию. За те три года, что мы с Тиффани встречаемся, я научился неплохо разбираться в таких застежках. Замечаю, что между бегунком и зубцами оказался зажат кусочек материи. С силой тяну бегунок вниз, высвобождая ткань, и плавно застегиваю молнию.

Меган вздыхает с облегчением и, назвав меня своим спасителем, бежит за туфлями. Дин корчит недовольную мину, понимая, что сейчас я начну его подкалывать, и я не заставляю его долго ждать.

– Неужели ты не смог справиться с такой ерундой? – Ухмыляясь, беру его за руку чуть выше локтя и делаю вид, что безуспешно пытаюсь нащупать бицепс.

Дин – хороший парень, иногда даже слишком. Ему не мешало бы стать пожестче.

– Я решил положиться на тебя. Учитывая, сколько платьев ты успел расстегнуть за всю свою жизнь, тебе в этом нет равных, – парирует Дин.

Конечно, он преувеличивает. Мы дружно смеемся и, чокнувшись бутылками, отхлебываем пиво. Вытираю ладонью

губы и перевозжу взгляд на Меган. Сидя на кровати, она надевает туфли.

– А где Рейчел? – спрашиваю я, только сейчас осознав, что сегодня ее не видел.

Обычно она всегда ходит с нами и еще до начала вечеринки напивается так, что Дин вынужден поддерживать ее, чтобы не упала, а Джейк все продолжает ей наливать. Рейчел считает меня последней сволочью, поэтому я не слишком расстроен, что ее нет.

– Мама отправила ее с каким-то поручением, – объясняет Меган. – Но на вечеринку Рейчел придет. Кстати, а кто ее сегодня устраивает? Люси, что ли?

Этого я не помню. Вопросительно смотрю на Дина. Он знает все обо всех, от школьников до студентов. Не представляю, зачем ему столько всего держать в голове.

– Да, Люси. По-моему, она девятиклассница.

Пожимаю плечами.

– Я не в теме.

Ничего удивительного, что эта Люси нас пригласила, хотя мы друг друга не знаем. Нас часто зовут на вечеринки совершенно незнакомые люди.

Со стороны входа слышится покашливание. Мы оборачиваемся. Тиффани стоит в дверях, прислонившись спиной к косяку, и, натянуто улыбаясь, накручивает локон на палец.

– Джейк налил вам по коктейлю, – глядя поочередно на Дина и Меган, сообщает она и подчеркнуто добавляет: –

Пойдите, попробуйте.

– Другими словами, «убирайтесь вон из моей комнаты»? – шутит Дин.

На самом деле он прав: Тиффани имеет в виду именно это. В ответ на его подколку она хлопает своими невероятными ресницами и улыбается еще шире, обнажая зубы.

– Идем, Мег, – понимающе кивает Дин. – Оставим этих голубков наедине.

Он помогает Меган подняться с кровати; на таких высоких шпильках даже стоять тяжело. Они выходят, и Тиффани плотно закрывает дверь. Мы остаемся наедине. Ловлю себя на том, что усмехаюсь: Тиффани никогда не умела скрывать своих намерений.

– Неужели так не терпится? – поддразниваю я и залпом допиваю пиво.

Отставив бутылку, медленно приближаюсь к Тиффани, закатывая рукава до локтя. Все это так привычно... И вот уже мои руки стискивают ее бедра, а губы приближаются к ее губам. В нос ударяет приторный запах духов, и я едва не задыхаюсь.

Почему-то Тиффани не отвечает на мой поцелуй, а через несколько секунд и вовсе с силой отталкивает меня. Ошеломленно таращусь на нее, разинув от удивления рот. Раньше она никогда меня не динамила.

Выражение ее лица меняется. Теперь оно суровое и жесткое.

– Ты оставил внизу телефон, – резко говорит она, протягивая мой мобильный.

Зачем-то проверяю карманы – там, конечно, пусто. Хочу забрать телефон, однако Тиффани быстро прячет руку за спину и решительно качает головой. Она явно чем-то недовольна, и надо срочно исправлять положение. Иначе мне придется весь вечер терпеть ее плохое настроение.

– Я читала твою переписку с Декланом, – после паузы объявляет Тиффани.

– И что с того?

Чего она так взъелась? Ну да, мы с Декланом договорились пересечься сегодня вечером и выкурить пару косячков. Ничего нового. Тиффани к этому уже привыкла.

Деклан Портвуд – личность известная. Все, кто балуется наркотой, – его добрые приятели. Остальные Деклана на дух не переносят.

Задрав голову, Тиффани смотрит мне в глаза.

– Я прочитала *всю* переписку.

До меня наконец доходит, о чем она. Изю всех сил пытаюсь придумать какое-нибудь оправдание и беспомощно замираю, словно перепуганный олень перед автомобилем.

– Ты же это не всерьез, правда? – уже мягче спрашивает Тиффани. – С обычными твоими глупостями я еще готова мириться, но на этот раз ты зашел слишком далеко. Не хочу, чтобы мой парень загремел в тюрьму. Ты хоть представляешь, что обо мне тогда подумают?

Молчу, гадая, как поскорее замять вопрос. За то время, что мы встречаемся, я уяснил одно: с Тиффани лучше не спорить. Надо признать, что был не прав, и она заткнется. Я понял и еще кое-что: Тиффани плевать, чем я занимаюсь, главное, чтобы на ней не отразилось.

– Я пока ни на что не подписывался, – бормочу я. – Мы просто общались...

– Но зачем?! – Тиффани всплескивает руками, явно поражаясь моему безрассудству. – Ты же ни в чем не нуждаешься. А если не ради денег, то какого хрена?

Пожимаю плечами. Я и сам не знаю.

– А что мне терять?

Тиффани смотрит на меня, как на психа.

– Что терять? Хм-м-м... Да все! Если ты считаешь, что стать наркоторговцем – хорошая затея, значит, ты совсем тупой!

Стараясь сохранять хладнокровие, закрываю глаза и глубоко вздыхаю. Тиффани раздувает из мухи слона, и сегодня меня так и подмывает в кои-то веки поставить ее на место. Надоело постоянно извиняться.

– Это всего-навсего марихуана.

– Да-да. Ты говорил то же самое, когда впервые решил покурить травку. И вот до чего докатился! – Она гневно сует телефон мне в руку. – Начнешь с продажи марихуаны пацанам, а потом станешь торговать кокаином среди таких же неудачников! – Раздраженно дернув головой, Тиффани от-

ворачивается. – Сегодня я больше с тобой не разговариваю. Ты мне противен. А если увижу Деклана, врежу ему как следует.

Скрежещу зубами от злости. Спокойствие дается мне нелегко, а бурлящий в крови алкоголь только усиливает раздражение. Сосредоточенно пытаюсь выровнять дыхание. От моих возражений будет только хуже.

Вроде бы тема исчерпана, и у меня есть несколько часов, чтобы прийти в себя, прежде чем я снова окажусь у Тиффани под каблуком. К моему изумлению, уже направившись к двери, она вдруг останавливается и, растянув губки в самодовольной, жестокой улыбке, добавляет:

– Знаешь, Тайлер, создается впечатление, что ты сам хочешь попасть в тюрьму. Как твой папочка.

Это последняя капля. Мое терпение лопается. В груди вспыхивает безумная ярость. Тиффани ответит за свои слова! Хватаю первое, что попало под руку – а попалась мне бутылка из-под пива, – и, плохо осознавая, что делаю, с силой швыряю в стену. Перелетев через всю комнату, бутылка разбивается вдребезги, и осколки летят во все стороны. Тяжело дыша, постепенно прихожу в себя и замечаю, что Тиффани смотрит на меня, разинув рот от испуга.

– Счастливо оставаться, – рычу я сквозь зубы.

Резким движением убираю телефон в карман, достаю ключи от машины и выхожу из комнаты.

– Отлично! – кричит Тиффани мне вслед, указывая на

россыпь осколков на ковре. — Ты настоящий псих!

Я мог бы сказать про нее еще и не такое... Впрочем, нужно как-то успокоиться. Жаль, не умею сдерживать эмоции. Так уж меня воспитали.

Из кухни доносятся музыка и смех Меган, но я не в том настроении, чтобы идти с ними на вечеринку. Бегу вниз по ступенькам, мечтая только об одном: оказаться как можно дальше от этого дома и от Тиффани. Дин окликает меня, я даже не оборачиваюсь. Молча проскочив мимо, шагаю за порог и захлопываю за собой дверь.

Моя «Ауди» стоит рядом. Забираюсь на водительское сиденье и остервенело дергаю ремень безопасности. Я выпил несколько бутылок пива, но не время разыгрывать из себя законопослушного гражданина. Поскорей бы отсюда убраться! Ожесточенно жму на газ. Мотор ревет, визжат шины. Машина стремительно набирает скорость. Впереди виден знак «стоп» — даже не притормаживаю. Впрочем, как всегда.

Пятью годами ранее

За ночь синяк у лопатки расплылся и стал болеть еще сильнее. Я чувствую его и сейчас, сидя на кухне, через силу глотая ложку за ложкой хлопья с молоком.

Уже почти половина восьмого, через десять минут выходить. А я не хочу в школу. У нас сегодня физкультура, и ребята в раздевалке могут заметить мои кровоподтеки и ссадины. При одной мысли об этом становится дурно. Я собираюсь прогулять урок, хотя боюсь даже представить, что будет, если отец об этом узнает.

Мамин голос выводит меня из размышлений.

– Опять заснул? – смеется она.

Замираю, так и не донеся ложку до рта, и, растерянн моргая, смотрю на маму. Она уже полностью готова к выходу: на ней строгий костюм и туфли на каблуках. Рядом, на двери, висит мамина куртка.

– Угу. – Потерев глаза, продолжаю жевать хлопья.

Мама накрывает на стол. Мне нравится, когда по утрам мы с ней завтракаем вдвоем. К сожалению, это каждый раз быстро заканчивается. Еще чуть-чуть – и мама крикнет Джейми и Чейзу, чтобы они поторапливались. Братья забегут в кухню, а вслед за ними и отец, как только закончит бриться и отыщет галстук.

– Какие у тебя сегодня уроки?

Мама не понимает, почему я такой молчаливый по утрам, и всегда пытается меня расшевелить. А мне не то что говорить, жить не хочется...

– Ничего интересного. Естествознание, математика и физкультура.

– Хм. Кстати, о физкультуре. – Внезапно посерьезнев, мама откладывает тарелки и становится напротив меня. – Вчера я получила записку от твоего учителя.

Она ждет объяснений, а я не знаю, что ответить, и просто сижу, нервно теребя пальцы. Мама достает из ящика сложенный листок бумаги и, развернув его, прокашливается.

– «Меня беспокоит, что Тайлер за последний месяц пропустил пять занятий. Если так будет продолжаться, мне придется поставить в известность директора школы», – зачитывает она и пристально смотрит на меня. – В чем дело? Тебе же нравилась физкультура.

– Мне и сейчас нравится, – убеждаю я маму и, отвернувшись, вру: – Странно, почему-то каждый раз перед физкультурой я плохо себя чувствую. Выхожу подышать свежим воздухом, вот и не иду на урок.

Похоже, мама мне не верит, однако ничего более правдоподобного в голову не пришло. Нельзя же открыть ей правду: из-за синяков я боюсь переодеваться вместе со всеми, и к тому же сложно заниматься спортом, когда все болит. Мама упирает руки в бока.

– Неужели? Тогда нужно отвести тебя к доктору Колману, – с заметной тревогой заключает она.

– Нет! – Испуганно вскакиваю со стула. Сердце бешено колотится, во рту пересохло. С трудом сглатываю. – Я больше не буду прогуливать. Честное слово!

С шумом сбежав по ступенькам и потолкавшись в дверях, в кухню врываются Джейми и Чейз. Пихнув Чейза так, что тот отлетает к стене, Джейми радостно усаживается за стол.

– Ма-а-ам! – ноет Чейз, потирая ушибленное плечо, и, соорудив гримасу, похныкивая, направляется к маме.

– Когда же вы наконец утомитесь? – вздыхает она, прижав Чейза к себе и потрепав его по волосам. – Ох, сынок, ты надел футболку задом наперед! – Рассмеявшись, мама помогает Чейзу переодеться.

Джейми поворачивается ко мне и делает страшные глаза.

– Я знал, что футболка задом наперед, но ничего не сказал!

Неуемная энергия Джейми раздражает. Раннее утро, а он бодрый, как будто проснулся давным-давно.

– Почему не сказал?

– Так прикольнее! Чейз в ней смотрится дурачком!

Привстав, Джейми запускает руку в коробку с хлопьями.

– Джей! – одергивает его мама, грозя пальцем. – Не кроши на стол!

Она подвигает Чейзу стул и ставит перед Джейми тарелку. Наверное, мама не любит утро. Мы все время заставляем ее

нервничать, особенно Джейми.

– Ой! – Джейми рассыпает половину хлопьев.

Мама вздыхает и кладет в тостер куски хлеба. В этот момент Джейми швыряет горсть хлопьев в Чейза. Мама отвлекается от тостера и складывает руки на груди.

– Так. Вы домашнее задание сделали?

Мы дружно киваем. Я всегда сразу после школы сажусь за уроки. Отец строго за этим следит.

– Рюкзаки собрали? – продолжает мама. – Ничего не забыли?

Мы снова киваем. Я тоже не люблю утро, просто ненавижу. Одни и те же вопросы, одни и те же ответы... И вот-вот появится отец.

Джейми нарочно громко хрустит хлопьями и чавкает. Повазвившись с пультом, мама включает новости. Уменьшает звук и, поглядывая в телевизор, намазывает джемом тост, а потом кладет его на тарелку Чейза, и тот с аппетитом принимается за еду. Братья выглядят довольными жизнью. Впрочем, как всегда. Я от них очень далек. Вроде бы сижу тут, рядом, а вроде бы меня здесь и нет. Сам не знаю, где я на самом деле. Порою я так глубоко погружаюсь в себя, что потом мне трудно вернуться. Все кажется пустым и бессмысленным.

Раздавшиеся в коридоре тяжелые шаги и веселое насвистывание выводят меня из оцепенения. Если отец в хорошем расположении духа, он всегда по утрам напевает этот мотивчик. Впрочем, кроме меня, такие детали никто не отмечает.

Мама и понятия не имеет, что он бывает злым.

Глубоко вздыхаю и зажимаюсь, собираясь с духом, а когда снова открываю глаза, вижу отца. Он беззаботно улыбается. Как он может радоваться? Разве он не помнит, что произошло вечером? Отец явно не чувствует себя виноватым, и от одной мысли об этом начинает мутить.

– Все бы отдал за чашку кофе! – Он приглаживает волосы и приближается к маме. Я не спускаю с него глаз.

– Держи. – Каждое утро мама заранее наливает кофе для отца. Это – часть семейного ритуала, который очень нравится им обоим.

– Спасибо. – Принимая дымящуюся чашку из ее рук, отец слегка пожимает мамины пальцы.

Родители обмениваются улыбками. Отец делает большой глоток и передает маме свой синий галстук, который та аккуратно и заботливо ему повязывает. Потом она застегивает верхние пуговицы на его рубашке, а отец с теплотой и любовью смотрит на нее, приподняв подбородок, чтобы маме было удобнее.

– Спасибо, – повторяет он и, наклонившись, целует маму в щеку.

– Папа! – подает голос Чейз. – Меня Джейми толкнул!

– И это ты называешь «толкнул»? – Джейми вскакивает на ноги и грозит брату кулаком. – Я тебе покажу, что значит «толкнуть»!

Отец мог бы показать это лучше...

Нахмурившись, отец поочередно смотрит на них обоих. Подвигает стул и удобно усаживается рядом с Чейзом.

– Когда же вы перестанете ссориться? Джей, тебе в январе уже десять, а это двузначное число. Ты знаешь, что нельзя больше задевать братьев, как только число, обозначающее возраст, становится двузначным?

Джейми растерянно опускается на стул.

– Правда?

– Правда, – с самым серьезным видом подтверждает отец, а затем, разразившись хохотом, весело подталкивает локтем Чейза. Отпивает еще кофе и только сейчас обращает внимание на меня. Выражение его лица становится жестким. Отец отставляет чашку.

– Кое-кто сегодня совсем притих.

– Думаю, дело в этом. – Мама снова достает записку от учителя.

Чувствую, что бледнею. Мама, не показывай ему! Ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

– Уже пять раз прогулял физкультуру, – добавляет мама, протягивая записку отцу. – Я напишу мистеру Эшеру, что такого больше не повторится. Правда же, Тайлер? Ты обещаешь?

К горлу подкатывает тошнота, я не могу даже говорить, поэтому просто несколько раз киваю.

Отец читает записку, сжав губы; зеленые глаза сердито сверкают. Настроение у него поменялось: отец снова стал

злым, и эту злость я скоро испытаю на себе.

– Какого черта ты прогуливаешь? Сам себе создаешь проблемы!

– Ну все, ты влип! – хихикает Джейми.

И он совершенно прав.

Отец ждет объяснений, а я не могу вымолвить ни слова. Даже вдохнуть не получается. Если бы мы были одни, я бы промолчал, но сейчас нужно что-то ответить, поэтому в конце концов бормочу:

– Мне нездоровилось.

Отец приподнимает бровь.

– Пять раз?

Не верит. Всем очевидно, что я лгу. Надо было придумать оправдание получше. Беспомощно пожимаю плечами и, потупившись, начинаю изучать царапину на руке.

– Больше не прогуливай, – велит мама.

Снова киваю и с облегчением слышу, как она увеличивает громкость телевизора. Чейз просит еще тост. Значит, разговор окончен.

Минут пять не решаюсь поднять взгляд на родителей, особенно на отца. Ясно, что он злится и так этого не оставит. Тошнота не проходит. Ненавижу мистера Эшера! Зачем он только послал записку?

– Так, – громко произносит отец. Я заставляю себя посмотреть на него. Он допивает кофе и сверяется с наручными часами. – Тебе пора.

Родители каждый день по дороге на работу отвозят нас в школу: отец – меня, а мама – Джейми и Чейза.

– Одевайся, – поторапливает мама, не отходя от раковины. За утро она, как всегда, ни разу не присела. – И не забудь почистить зубы.

Отчаянно не хочу идти в школу: очень болит синяк у лопатки, а гневный вид отца пугает чуть ли не до рвоты. Лучше бы меня и правда вывернуло: тогда бы мне разрешили остаться дома.

Стремясь побыстрее удрать из кухни, соскальзываю со стула и торопливо направляюсь к лестнице. В это время в коридор выходит отец.

– Тайлер!

Застыв на месте, оборачиваюсь. Отец надевает куртку и поправляет галстук. Он выглядит совершенно невозмутимым. Вроде бы уже не сердится, но и не улыбается.

– Жду тебя в машине.

Наши дни

Черт! Совсем забыл про барбекю.

На нашей лужайке столпились гости. Жму по тормозам так резко, что машину заносит. У дома нет других автомобилей, значит, мама пригласила только тех, кто живет неподалеку. Она каждый год закатывает пирушки, и все соседи регулярно стекаются к нам с ящиками пива наперевес. Не понимаю, почему мама настаивает, чтобы я непременно присутствовал. Это же скука смертная! Тем более что большинство гостей я терпеть не могу. Миссис Хардинг из соседнего дома однажды обратилась в полицию из-за того, что я прошел по ее газону. Мистер Фазио, живущий напротив, донес маме о вечеринке, которую я устроил в ее отсутствие. Миссис Бакстер с северного конца Дидре-авеню постоянно жалуется, что от моей машины слишком много шума.

Так что обычно я в этих занудных сборищах не участвую.

Заглушив мотор и выдернув ключи из замка зажигания, распахиваю дверцу и выбираюсь из машины. На лужайке грохочет музыка, в воздухе витает тошнотворный запах жарящегося мяса. Ненавижу барбекю. И даже не из-за толпы гостей, а больше из-за этой вони. Я давно стал вегетарианцем. Ерошу волосы, стараясь совладать с гневом. Меня и так уже вывели из себя, а тут еще эта гулянка.

Сощурившись, шагаю к лужайке. Ударяю кулаком по калитке, чтобы дать всем понять: я в ярости. Калитка распахивается, и все разговоры немедленно стихают, только музыка продолжает звучать. Замечаю в дальнем конце сада миссис Хардинг. Она смотрит на меня с отвращением.

– Простите, припоздился, – объявляю я, выискивая взглядом в толпе маму. Ее нигде нет, чему я очень рад: не хочу смущать ее перед знакомыми, а иначе вести себя не могу. Зато мой придурок-отчим тут как тут: Дейв стоит у мангала, настороженно следя за мной: мол, попробуй только что-нибудь выкинуть. И это еще одна причина продолжать в том же духе.

– Ничего интересного не пропустил? Ну если не считать, конечно, уничтожения бедных зверюшек. – Показываю отчиму средний палец. Возмущенные голоса гостей пропускаю мимо ушей. Я мог бы и не такой спектакль учинить. Например, сбросить ящик пива со стола. Решаю этого все же не делать: хватит мне на сегодня скандала с Тиффани.

– Надеюсь, друзья, вы вдоволь насладились коровой, которую только что сожрали.

Так и тянет дать кому-нибудь в морду! Поэтому я просто хохочу над собственной шуткой и отворачиваюсь, пока еще могу держать себя в руках.

– Кому пива? – вмешивается отчим.

Раздаются неуверенные смешки гостей, явно чувствующих себя неловко. А я прохожу в дом и, демонстративно

хлопнув дверью, вздыхаю с облегчением.

В кухне прохладно: работает кондиционер. Направляюсь к лестнице, чтобы подняться к себе и наконец отдохнуть и успокоиться. Но тут меня окликает мама. Жаль, не получилось избежать разговора: я слишком зол, чтобы с кем-то объясняться. На секунду замуриваюсь, собираюсь с мыслями и поворачиваюсь к ней. Надеюсь, мама не заметит, что от меня несет пивом. Как же, в таком состоянии сел за руль!

– О чем ты только думаешь?! – сурово спрашивает она.

Я и сам не знаю, поэтому молча пожимаю плечами.

– Где ты был?! – Мама очень расстроена, и мне становится немного стыдно, когда она, убедившись, что рядом никого нет, хватается за локоть и тащит в гостиную. – Я же просила тебя прийти на барбекю! Ты считаешь, что можно заявиться в самый разгар вечеринки и всем нахамить?!

Она закрывает глаза и потирает виски, как будто у нее от меня разболелась голова.

На всякий случай отступаю на пару шагов, чтобы мама не почувствовала запах пива. Не стоит подливать масла в огонь.

– Да я вернулся почти вовремя, – бормочу я, потому что формально придраться не к чему: мама сказала прийти – я и пришел.

– Ты приехал на два часа позже!

Обычно она не устраивает мне долгих разносов. Ну зачем ей понадобилось выяснять отношения именно сейчас?! Я усмехаюсь, чтобы не разрыдаться.

– Да мне вообще ваше чертово барбекю до лампочки!
Мама вздыхает.

– Бог с ним, с барбекю. Что у тебя опять стряслось? – Она начинает расхаживать туда-сюда, пытаясь понять причины моего поступка. Надо признать, обычно я держусь не так вызывающе. – Ты ведешь себя как капризный ребенок. В чем дело?

Отворачиваюсь к окну. Никогда не умел врать, глядя маме в глаза.

– Все нормально.

– Ладно, не хочешь – не говори. – Ее тон снова становится жестким. Не люблю, когда мама так со мной разговаривает. Она часто на меня сердится, хотя в глубине души расстраивается и ощущает себя беспомощной. Хотя сейчас, похоже, я и правда ее взбесил. – Только зачем было позорить меня перед соседями?

– Тебе на них не наплевать?

Секунду помолчав, мама вздыхает.

– Эх... все-таки зря я тебя отпустила. Сидел бы лучше дома. Так нет – пожалела! На свою голову.

– Я все равно ушел бы.

Даже если бы у меня не было на сегодня никаких планов, я ни за что не остался бы на барбекю. Мама и сама это знает, но почему-то никак не оставит меня в покое. Дерзко подаюсь вперед и вызывающе смеюсь.

– Ну и что ты мне сделаешь? Посадишь под домашний

арест?

Это ее любимая угроза, которую мама за два года так ни разу и не выполнила.

– Ты невыносим.

Тут что-то отвлекает ее внимание, и она, нахмурившись, выходит за дверь.

Вскинув голову, приглаживаю волосы. Еще одна такая перепалка, и я взорвусь!

Слышу, как мама с кем-то разговаривает. Оборачиваюсь. Мама стоит, прислонившись к дверному косяку. Мне становится любопытно, кто ее собеседник, и я выглядываю в коридор.

На лестнице, неловко занеся ногу над ступенькой, застыла девушка. Похоже, она в ужасе. Как ни странно, я понятия не имею, кто это. Не сильно моложе меня, странно, что мы не сталкивались в школе. Я бы ее наверняка запомнил: меня всегда привлекали брюнетки.

Девушка смотрит на меня с тревогой. Интересно, что ее так напугало? Хотя нет, на самом деле мне куда более интересны ее губы, полные и чувственные. Эту милашку я бы точно заприметил. Значит, она не местная... Стоп, о чем я только думаю? Тиффани убила бы за такие мысли!

– Это еще что за штучка? – требовательно вопрошаю я, переводя взгляд на маму.

Она медлит с ответом. Кажется, сама немного нервничает.

– Познакомься, Тайлер, – наконец мягко произносит ма-

ма, успокаивающе дотрагиваясь до моей руки. – Это Иден.
Дочь Дейва.

Новость ошеломляет.

– Дочь Дейва?!

Выразительные, влажные губы Иден слегка изгибаются в настороженной улыбке.

– Привет.

От звука ее голоса, низкого и хрипловатого, я замираю на месте. Сверху вниз – Иден ниже меня на несколько дюймов – разглядываю ее, пытаюсь осознать происходящее. Значит, эта девушка... эта брюнетка с пухлыми губами и хрипотцой в голосе – моя сводная сестра?!

Вот черт! Да быть не может!

Мама и правда упоминала, что дочка Дейва собирается летом погостить у нас, но я пропустил это мимо ушей. А зря. Я даже не предполагал, что она уже такая взрослая. Интересно, сколько ей лет? Я бы спросил, только не в силах вымолвить ни слова. Воздуха не хватает. Сглотнув, шепотом повторяю:

– Дочь Дейва?!

Мне все еще не верится.

Мама раздраженно вздыхает.

– Да, Тайлер. Что за дурацкие вопросы? Я предупреждала тебя о ее приезде.

Украдкой разглядываю Иден. Ее макияж чуть смазлся.

– И в какой комнате?

– Что? – Мама непонимающе морщит лоб.

Во рту становится сухо.

– Где вы ее поселили?

– Рядом с тобой.

Вот ответ, который я боялся услышать. Из груди вырывается стон. У нас две комнаты для гостей, но мама, конечно же, разместила Иден прямо у меня под боком. А я не хочу, чтобы она мозолила мне глаза! И вовсе не из-за подружки, а потому, что Иден – моя сводная сестра. Господи, никогда бы не подумал, что не смогу замутить с девушкой по такой нелепой причине!

Только сейчас понимаю, что уже долгое время, не мигая, пялюсь на Иден. На меня снова накатывает раздражение. Из-за нее теперь целое лето придется где-то ошиваться, только чтобы не быть дома! И поехать к Тиффани после нашей ссоры тоже нельзя. Как же все достало!

Невежливо оттолкнув маму локтем, решительно устремляюсь вверх. Протискиваясь мимо Иден, задеваю ее плечом, однако не извиняюсь и спешу убраться подальше.

Захожу в комнату и захлопываю за собой дверь. Чтобы собраться с мыслями, врубаю музыку и начинаю расхаживать туда-сюда. Уже успокаиваясь, обращаю внимание на то, что мама застелила мою постель, собрала с пола всю одежду и аккуратно сложила в стопку на комод, чтобы позже я повесил ее на место. Я знаю: если оставить все как есть, через какое-то время мама сдастся и сделает все сама. Наверное,

она продолжает каждое утро убираться в моей комнате только ради возможности регулярно проводить у меня обыск.

Скрипнув зубами, заглядываю под кровать. Ну вот, еще вчера здесь стояла упаковка пива, а теперь пусто. Маминых рук дело! Прохожу в ванную и открываю шкафчик. Так и есть: пачка «Мальборо» тоже исчезла. Я курю не очень часто, однако на всякий случай предпочитаю держать сигареты под рукой.

Возвращаюсь в комнату, сажусь на кровать и потираю виски. Чем бы заняться? Настроение какое-то странное, неоднозначное. Сейчас бы выпить или выкурить косяк-другой. Обычно это помогает отвлечься и не заикливаться на неприятностях. Пожалуй, я все-таки пойду на вечеринку, хоть там и будет Тиффани. Все равно дома теперь оставаться нельзя.

Шлю сразу нескольким приятелям сообщение с просьбой дать мне адрес той девятиклассницы. Кaleb откликается первым, и я пишу в ответ, что буду минут через двадцать.

Побрызгавшись одеколоном, выключаю музыку и вытаскиваю ключи от машины: за это время я окончательно протрезвел. Я еще не успел остыть после сегодняшней руготни, поэтому со злостью ударяю по двери. Она распахивается, и я сразу натыкаюсь на эту чертову Иден.

Она смотрит на меня испуганно. Замечаю, что у нее красивые, светло-карие глаза с золотистым оттенком.

– Привет, – повторяет она. – У тебя неприятности?

Ох, какой голос! Моргаю, пытаюсь придать лицу равнодушное выражение, чтобы Иден не догадалась, насколько сильное впечатление на меня производит.

– Пока, – небрежно бросаю я и, быстро спустившись на первый этаж, выхожу из дома. Так и подмывает обернуться, но я не поддаюсь соблазну. Решено: я не стану общаться с этой девушкой.

Веселье на лужайке продолжается. Сзади доносится музыка и смех гостей. К счастью, никто меня не замечает, поэтому я спокойно забираюсь в машину и завожу мотор. Вообще-то мама не стала бы снова затевать скандал, даже если бы увидела, что я уезжаю. Она все мне прощает.

Прежде чем тронуться, я еще минуту сижу, облокотившись на руль, и размышляю, не написать ли Тиффани. Наверное, лучше ее предупредить. Вздыхнув, достаю телефон и набираю: «увидимся на вечеринке». А потом жму на газ.

Пятью годами ранее

Труднее всего – заставить себя приблизиться к серебристому «Мерседесу» отца. Плетусь, еле волоча ноги, судорожно вцепившись в лямки рюкзака. Чувствую на себе грозный взгляд отца. Дорога в школу занимает десять минут, и он явно готовится высказать по пути все, что обо мне думает. Зачем же мама показала ему записку?

Стараясь не встречаться с ним глазами, открываю дверь и забираюсь на переднее сиденье. Кладу рюкзак на колени, пристегиваюсь и принимаюсь изучать собственные кроссовки.

Отец вздыхает и, заведя мотор, жмет на газ. По радио описывают обстановку на дорогах. Отец увеличивает громкость и, услышав о сорокаминутном заторе на автострате, по которой он ездит на работу, стонет, как от зубной боли. Я и так с самого утра испортил ему настроение, а тут еще пробки... Теперь он рассержен еще больше. Выключает радио и принимается за меня.

– Ну, и что ты придумываешься? Ему, видите ли, нездоровится! Чушь собачья!

Искоса смотрю на него. Отец, уставившись на дорогу, качает головой. Физически ощущаю, как его гнев растет, уплотняется, заполняет пространство вокруг.

– Мне... мне было лень идти на физкультуру, – вру я, изумляясь, как же он сам не понимает истинную причину. – Не люблю бегать.

– Чушь собачья! – повторяет отец. – Это что, подростковый бунт? Проверяешь меня на прочность?

– Н-нет. – Я начинаю заикаться. Дергаю рюкзак за и без того потрепанные лямки, пытаюсь сочинить еще какое-нибудь оправдание. Похоже, нужно сказать правду. Иначе живым мне отсюда не выбраться. Зажмуриваюсь. – Я не проверяю. Я просто... ну, из-за раздевалки... – Закусываю губу и, затаив дыхание, жду ответа.

– Что с раздевалкой?

Зажмуриваюсь еще сильнее. Надеюсь, отец по-прежнему следит за дорогой, а не за мной. Во рту пересыхает, и каждое слово дается с трудом.

– М-м... не хочу, чтобы... чтобы меня расспрашивали...

– О чем?

Открываю глаза и, растерянно глядя на него, лепечу:

– Папа... ты же знаешь, о чем.

– Нет, – твердо возражает он. – Понятия не имею. Не о чем тебя расспрашивать.

Невероятно. Должно быть, отец просто делает вид, что не догадывается. Или он сошел с ума?

– Угу, – невнятно соглашаюсь я и, замолчав, начинаю яростно теревить и так измочаленные лямки рюкзака. За всю дорогу отец ни разу на меня не взглянул. Надеюсь, потому

что ему стыдно, а не потому что плевать.

– Значит, сегодня у тебя математика?

Киваю. Отец останавливается перед знаком «стоп». Дорога свободна, однако вместо того, чтобы ехать дальше, отец ставит машину на ручной тормоз и, наклонившись ко мне, отбирает рюкзак. Покопавшись в нем, достает листки, на которых было задание по алгебре на следующую неделю, и начинает их просматривать. Не представляю, что он там ищет.

– Как только вернешься домой, сразу же садись и решай уравнение, в котором допустил ошибку, – спокойно приказывает он, помахав одним из обрывков. – И заново переписи остальные примеры.

Он переводит взгляд на бумажные клочки и осуждающе цокает языком, как будто это я вчера порвал листок с домашней. Потом сминает их в кулаке, так, что костяшки пальцев белеют от напряжения, и небрежно кидает в подстаканник рядом с переключателем передач.

– Зачем переписывать остальные примеры? – недоумеваю я, принимая из рук отца рюкзак и застегивая молнию. – Другие листки уцелели.

– Тебе нужно больше заниматься. Задание надо не только выполнить, но и перевыполнить. – Отец включает радио и трогается с места, вновь сосредоточившись на дороге.

Неужели придется снова мучиться с тридцатью уравнениями из-за одной-единственной ошибки? Вчера я просидел над ними весь вечер! Сжимаю зубы так, что челюсти начи-

нают болеть. Отец постоянно так со мной поступает. Раньше меня удивляли его требования, теперь я привык. И все равно в душе вскипает злость. Чтобы этого не показать, гляжу на приборную панель и пытаюсь поскорее успокоиться. «Отец желает мне добра», – мысленно убеждаю я себя.

Наконец мы подъезжаем к дому Картеров, и я, как обычно, вздыхаю с облегчением. Именно в этот момент отец всегда меняет тон на дружелюбный, расплывается в улыбке и сохраняет благодушные следующие пять минут, пока везет нас с Дином в школу. Отец никогда не бывает злым при посторонних.

Как по сигналу, дверь распахивается, и появившийся на пороге Хью, папа Дина, машет нам рукой. Через пару секунд из дома выбегает сам Дин, на ходу надевая на спину рюкзак. Хью помогает ему справиться с лямками, после чего оба направляются к нам.

Так повелось с самого начала: отец отвозит нас с Дином в школу, а Хью – забирает оттуда.

Дин залезает на заднее сиденье, отец опускает стекло, чтобы перекинуться парой слов с его папой. Обернувшись и вытянув шею, наблюдаю, как Дин пристегивается. Разобравшись с ремнем безопасности, он протягивает мне руку, и мы в знак приветствия легонько соприкасаемся кулаками. Улыбаюсь ему, стараясь не прислушиваться к разговору отца с Хью.

– Ты уже подготовил реферат по естествознанию? – инте-

ресуется Дин, прислоняясь к кожаной обивке сиденья. – Мама вчера полработы за меня написала.

– Я сдал его на прошлой неделе.

Хью, прокашлявшись, сует голову в машину и смотрит на нас. На губах у него играет добрая, искренняя улыбка.

– Ну, ребята, приеду за вами ровно в три. – Он показывает нам большой палец и отходит от автомобиля.

Мне нравится Хью. Иногда я даже мечтаю, чтобы моим папой был он.

Отъехав от дома Картеров, отец закрывает окно и убавляет звук радио, чтобы легче было поддерживать беседу. Все ли хорошо у Дина в школе? А в футбольной команде? И как он намерен праздновать приближающийся день рождения? Отец буквально излучает дружелюбие. Даже не знаю, что хуже: когда он злится или когда кажется приветливым. Не могу понять, какой он настоящий.

Еще до того, как отец останавливает «Мерседес» возле школы, отстегиваю ремень и берусь за ручку дверцы. Не терпится сбежать от отца, от его постоянного недовольства и осуждения. В отличие от Дина, мне нравится в школе: здесь я могу хотя бы несколько часов побыть в безопасности.

– Хорошего дня, ребята, – натянуто улыбаясь, желает отец и, развернувшись на сиденье, дает Дину пять.

Когда мы выходим из машины, он поправляет манжеты рубашки и окликает меня:

– Тайлер!

Застываю на месте. Отец смотрит на меня, слегка нахмурившись, потом снова улыбается, на этот раз печально. Впервые за всю неделю он, похоже, чувствует себя виноватым.

– Учись хорошо. Я люблю тебя.

«Неправда, – мысленно возражаю я, захлопывая дверцу и направляясь к школе. – Совсем не любишь».

Наши дни

Еду на окраину города на вечеринку к некой Люси, которую вряд ли узнал бы в лицо. Уже почти десять вечера. По дороге я успел заскочить в винный и затариться двумя упаковками пива, а еще пачкой «Мальборо». Кассир, как всегда, закрыл глаза на то, что мне только семнадцать, но взамен стряс с меня лишних двадцать баксов. Ему повезло: я всегда покупаю именно у него. Вероятно, я его любимый клиент, если учесть, сколько от меня перепадает на чай.

Темнеет. Медленно двигаюсь по Стенфорд-стрит и наконец нахожу нужный дом. Рядом припарковано несколько машин, а на крыльце ошиваются два парня: в руках – кружки, на губах – довольные улыбки. Кажется, я видел их в школе.

Не в моих правилах заявляться на вечеринки так рано, но, по словам Калеба, почти все гости уже собрались. Даже не припомню, когда я в последний раз приезжал на такую тусовку в одиночестве. Обычно мне составляют компанию друзья или на худой конец Тиффани, однако сегодня придется побыть придурком, который проводит время наедине с бутылкой.

Припарковавшись у тротуара, глушу мотор. Парни на крыльце вытягивают шеи и, разинув рты, глазают на мою машину. Делаю вид, что не замечаю; их зависть мне приятна.

Отстегнув ремень безопасности, опускаю оконное стекло, и до меня долетает ритмичная музыка. Достая из упаковки банку пива. После дневной пьянки алкоголь уже совсем выветрился из организма, и я должен исправить положение. Меня не прельщает перспектива войти в эти двери трезвым. Когда я навеселе, гораздо проще поддерживать репутацию крутого парня.

Зубами открываю банку и отпиваю глоток. Выдохнув, залпом осушаю ее и швыряю в бардачок. Смотрюсь в зеркало заднего вида. Глаза поблескивают более насыщенным, чем обычно, изумрудным цветом, но, пожалуй, я выгляжу слишком приветливым. Сжимаю зубы и сощуриваюсь, чтобы казаться угрюмым и жестким. Так-то лучше.

Сую ключи в карман и вылезаю из машины, прихватив с собой обе упаковки пива и сигареты. Локтем закрываю дверцу и, поставив пиво на багажник, закуриваю.

Один из парней на крыльце, прилебявая из кружки, интересуется:

– Ты на вечеринку?

Вот кретин. Смерив его презрительным взглядом, глубоко затагиваюсь и неторопливо выдыхаю облако дыма.

– Не-а. Я так, пейзажем полюбоваться.

Зажав зубами сигарету, подхватываю пиво и направляюсь к дому. Доносящаяся оттуда музыка звучит тише, чем обычно на вечеринках, а значит, во-первых, Люси в этом деле – новичок, а во-вторых, народу собралось не так уж много.

– Не знал, что ты придешь, – замечает парень, оценивающе уставившись на меня.

Выпускаю струюку дыма ему в лицо. Он задерживает дыхание. Они с приятелем выглядят слишком юно. Скорее всего, даже в одиннадцатый класс пока не перешли. Странно, что их вообще сюда позвали.

– Первый раз на вечеринке? – уточняю я, приподняв бровь и не вынимая изо рта сигарету.

Не хватало только тратить время на болтовню со всякими придурками. Мне бы поскорее выпить еще пива, выяснить, кто из моих друзей здесь, и найти Деклана Портвуда.

– Ну да. – Парни растерянно переглядываются.

– Заметно, – смеюсь я и толкаю входную дверь.

Меня тотчас оглушает грохочущая музыка, хохот гостей и звон разбиваемой посуды. Прежде чем войти, оборачиваюсь и ухмыляюсь.

– Хотите совет бывалого? Хорош торчать на пороге, топайте в дом.

Кинув на пол окурков, наступаю на него и только после этого захожу внутрь.

Вопреки обыкновению, никто не бросается ко мне и не донимает занудными разговорами. Среди присутствующих я различаю всего несколько смутно знакомых лиц и сразу отправляюсь на поиски Калеба. Многие кивают мне в знак приветствия; ответом я никого не удостаиваю. Расталкивая стайку собравшихся в проходе девушек, пробираюсь в кухню

и вижу Калеба, сидящего на столешнице.

– Тайлер! – зовет он.

С трудом протискиваюсь к нему. Стол посреди кухни весь уставлен всяческими напитками, поэтому тут сгрудилась целая толпа.

– Приехал наконец. – Кaleb кладет ладонь мне на плечо и обводит мутными глазами окружающее сборище. От него несет пивом и марихуаной. – А где Тиффани, Дин и остальные?

– Скоро будут. – Стряхнув с себя его руку, ставлю рядом с ним упаковки пива и достаю новую банку. – А Деклан здесь?

Кaleb пожимает плечами и, облокотившись на кофемашину, понимающе улыбается. Похоже, обкурился до одури.

– Пока нет. Чем собираешься заняться? – Он наклоняется ко мне и шепчет, стуча указательным пальцем себе по карману: – Зачем ждать Деклана? Я сам могу толкнуть тебе дозу.

Отпивая пиво, внимательно смотрю на Калеба. Почему он вообще ходит на такие вечеринки? Они с Декланом оба первокурсники, но Кaleb выглядит лет на четырнадцать. Вероятно, поэтому и тусуется со школьниками, а не со студентами. А вот Деклан со всеми на дружеской ноге. Однажды он объяснил мне, что хорошие связи – залог успеха в бизнесе.

Качаю головой и отступаю на шаг.

– Не сейчас. Свистни, когда Деклан появится.

– Хотя бы дерни для начала. Почему ты еще не надрался? – Кaleb спрыгивает со столешницы и, схватив ополови-

ненную бутылку водки, грозно тыкает ею в меня.

– Может, потому что не успел? – огрызаюсь я и вырываю бутылку у него из рук.

Калев прав: нельзя оставаться трезвым. Тайлер Брюс не такой! Запрокидываю голову и пью, пока жжение в горле от спирта не становится нестерпимым, а потом возвращаю остатки Калебу.

– Пойду гляну, кто еще здесь.

– Ладно. – Калев снова запрыгивает на столешницу и тоже прикладывается к бутылке. – Если передумаешь, то ты знаешь, где меня найти.

Выхожу в коридор, чтобы не поддаваться соблазну. Доза бы мне сейчас не помешала, но я понимаю: лучше подождать. Где-то час я вполне продержусь. А вот когда появится Тиффани, тут уж точно припрет.

Чтобы отвлечься, проверяю, кто еще приехал на вечеринку. Выясняется, что, не считая Калеба, я здесь ни с кем не знаком.

В саду шестеро парней играют в пив-понг¹. Они даже на ногах не могут устоять, не то что прицелиться, поэтому желания присоединиться к ним не возникает.

¹ Пив-понг, или пиво-понг – популярная в США игра, при которой на двух сторонах стола расставляют в виде треугольников по десять кружек с пивом. Игроки делятся на две команды и по очереди стараются попасть шариком для пинг-понга в одну из кружек на половине стола соперника. Когда кто-то из игроков попадает в кружку, игрок из другой команды должен выпить ее содержимое. Проигрывает та команда, у которой раньше кончается пиво. – *Здесь и далее прим. перев.*

Пиво заканчивается, и я возвращаюсь в кухню. Калеба уже нет. А еще говорил, «знаешь, где меня найти». Даже пятнадцати минут не подождал.

Выкидываю опустевшую банку и, достав новую, направляюсь на второй этаж. Дом небольшой, и гостей здесь не так уж много: пока я насчитал двадцать семь. Скучно.

Наверху никого нет, только в туалете мается какая-то девушка. Ее рвет.

– Все в порядке? – окликаю ее.

Она не поднимает голову от унитаза, но показывает мне большой палец, поэтому выхожу из туалета и прикрываю за собой дверь.

Сзади слышится голос:

– Тайлер, ты?

Оборачиваюсь. От лестницы мне машет моя школьная знакомая. На литературе мы сидим за соседними столами, и я иногда прошу ее объяснить непонятную строчку из Шекспира. Не сразу вспоминаю ее имя.

– Привет, Наоми.

Она пьяно ухмыляется, а вот я почему-то не могу заставить себя улыбнуться в ответ. Я все еще пребываю в том странном настроении, которое вызвала встреча с Иден.

Не придумав, о чем говорить с Наоми, молча отпиваю пиво.

– Что ты тут делаешь? – Наоми нетвердой походкой приближается ко мне, опираясь о стену, чтобы не упасть. – Разве

ты не должен быть в кухне? Там, где выпивка? – Она глуповато хихикает и поправляет юбку.

Качаю головой и, прикончив пиво, небрежно швыряю банку на пол. Я выпил их уже штуки три или четыре, но все еще трезвый, как стеклышко. Когда уже меня развезет? Обращаю внимание, что у Наоми нет в руках ни стакана, ни бутылки.

– Кстати, о выпивке, тебе что-нибудь принести?

Наоми надувает губки.

– А почему ты не с Тиффани?

– Она пока не приехала.

Кидаю взгляд на часы. Половина одиннадцатого. Значит, Тиффани будет здесь примерно через полчаса – не так уж много времени, чтобы напиться как следует. Если не успею, мы с ней точно опять поскандалим.

– Ясно. – Наоми снова улыбается и кивает. – Да, выпить не откажусь.

– Чего принести?

– Хм... – Наоми склоняет голову набок, прикидываясь, что всерьез над этим размышляет. Потом, рассмеявшись, еще сильнее наваливается на стену. – Удиви меня.

– Ладно. Жди здесь.

Спускаюсь на первый этаж. Музыка оглушает, и всем приходится ее перекрикивать. Видимо, кто-то увеличил громкость. Отпихнув ошивающегося у двери парня, прохожу в кухню. Выпитый алкоголь потихоньку начинает действовать,

и мне удастся слегка расслабиться, несмотря на отсутствие Тиффани и Дина.

Калёб снова водрузился на столешницу и болтает с каким-то приятелем, то и дело принимаясь хохотать. При виде меня он подмигивает и одними губами спрашивает:

– Дозу?

Я снова отказываюсь.

Обнаруживаю, что кто-то позаимствовал мое пиво: осталось всего четыре банки. Что ж, обычная вещь на домашних вечеринках. Нахожу рюмку с водкой и добавляю туда порцию энергетика, а потом беру полученный «коктейль» и, прихватив чужую бутылку пива, направляюсь обратно. В этот момент меня окликает Калёб.

– Тайлер!

Оборачиваюсь и вижу, что он манит меня пальцем. Вздыхнув, подхожу к нему.

– Ты же знаешь правило, – заплетающимся языком выговаривает он. – Заходишь в кухню – пей!

Приподнимаю бровь. Очевидно, это правило он только что придумал. Но я не возражаю. Какой идиот откажется от бесплатной выпивки!

– Ну давай.

Руки у меня заняты, поэтому просто запрокидываю голову, а Калёб льет водку мне в рот. Я глотаю и глотаю. В желудке жжет. Калёб не останавливается, только ухмыляется и поднимает бутылку чуть выше. Больше я не выдержу. Сжи-

маю губы, и струя водки окатывает мне лицо и одежду.

– Вот как надо пить, – довольно кивает Калёб и сам хлещет водку из той же бутылки.

Меня подташнивает, а Калёб, похоже, этому рад. Глубоко дышу, стараясь сдержать рвоту, и, наконец обретя дар речи, бормочу:

– Вот придурок...

Ставлю рюмку Наоми на стол, чтобы вытереть лицо и шею. Как тут жарко! Скорее отсюда, из этой духоты, от толпы и грохочущей музыки!

Снова подхватываю рюмку и отбираю почти пустую бутылку у Калёба. Он зло щурится. Отвечаю ему невинным взглядом и передразниваю:

– Ты же знаешь правило: уходишь из кухни – бери выпивку с собой.

Калёб закатывает глаза.

– Ладно, один-один.

Справедливости ради, водки осталось всего ничего, на пару глотков, а Калёб и без того пьян и к тому же под кайфом, так что ему хватит. По крайней мере, мне нужнее.

Кто-то хлопает меня по плечу и здоровается, но я не обращаю внимания, сосредоточившись на том, чтобы в целости и сохранности донести обе бутылки и не расплескать «коктейль» для Наоми. Рюмка наполнена до краев. Когда меня случайно толкают, часть проливается на ковер, и я тороплюсь обратиться подальше, пока никто не заметил. Хотя, ес-

ли учесть, что почти все присутствующие пьяны в стельку, странно, что никто еще не наблевал на пол.

Снова очутившись на втором этаже, вздыхаю с облегчением. Свет в коридоре выключен, и никого поблизости не видно, в том числе и Наоми. Заглядываю в туалет, но и там пусто. Даже девушка, которую рвало, куда-то пропала. Возвращаюсь в коридор и зову Наоми, хотя подозреваю, что ее уже нет.

– Я тут! – немедленно откликается она.

Я рад, что Наоми не ушла. Все-таки больше мне здесь не с кем пообщаться. Разве что с Каледом. Но он сейчас под кайфом, только и может, что по-идиотски лыбиться.

Иду на звук голоса Наоми. Осторожно открыв дверь коленом, захожу в комнату. Это чья-то спальня. Судя по футбольным плакатам на стенах, вряд ли она принадлежит... как там ее зовут? Короче, той девятикласснице, которая устроила вечеринку.

Наоми стоит, облокотившись на комод, и разглядывает плакат с Филиппом Риверсом.

– Значит, ее брат – фанат клуба «Чарджерс»? – Она кидает на меня взгляд через плечо. В ее тоне сквозит отвращение.

Познания Наоми в области футбола удивляют.

– Похоже на то. – С трудом удерживаюсь от соблазна развить эту тему, поведать, что я терпеть не могу «Чарджерс», что команда Сан-Франциско «Форти Найнерс» гораздо лучше. Вместо этого подхожу и протягиваю ей напиток. – Дер-

жи.

Приняв позу поустойчивее, Наоми берет у меня рюмку и проводит пальцем по ее краю.

– А ты не такой придурок, каким тебя считают. – Она подносит рюмку к губам.

Наверное, это был комплимент, пусть и сомнительный. Не найдясь, что ответить, неловко отхлебываю пиво и интересуюсь:

– Не слишком крепко получилось?

Она показывает большой палец. Видимо, не слишком. Залпом осушив рюмку, Наоми резко выдыхает и с размаху ставит ее на комод. Тут же выясняется, что девушка слегка не рассчитала силу: от удара рюмка разбивается.

– И это ты называешь «крепко»?

– Ух ты! – Растерянно моргаю. Кто бы мог ожидать такого от Наоми с литературы? Конечно, ее совсем развезло, и она едва стоит на ногах, но все равно меня впечатлило, как лихо она разделалась с «коктейлем», учитывая, сколько в нем было спирта.

Передаю ей бутылку с остатками водки. Прикончив ее одним глотком, Наоми приближается ко мне и, хихикнув, спрашивает:

– А Тиффани умеет так пить?

Одно упоминание о Тиффани выводит из себя. Я же только-только перестал о ней думать! Меня снова охватывает гнев.

Наоми тем временем кладет руку мне на грудь. Ее лицо с чуть смазанной косметикой принимает хитрое выражение. Снова поднеся пустую бутылку ко рту, Наоми обхватывает ее горлышко губами и, глядя мне в глаза, медленно проводит по нему языком. Подходит ко мне вплотную и эротично шепчет:

– Так умеет или нет?

От Наоми пахнет спиртным. Жар, исходящий от ее разгоряченного алкоголем тела, меня парализует, лишая возможности двигаться. В горле встает ком, и я тщетно пытаюсь его проглотить.

– Мне... мне пора, – бормочу я, однако не успеваю сделать ни шагу: Наоми берет меня за подбородок и целует.

От неожиданности отшатываюсь назад, но, быстро восстановив равновесие, обнимаю ее за талию и притягиваю к себе, так, что бутылка с пивом оказывается прижата к ее бедру. Наоми в порыве страсти хватается за мою рубашку, гладит меня по груди. Наши губы вновь сливаются в поцелуе, и я чувствую привкус водки. В крови бурлит алкоголь. Провожу ладонью по волосам Наоми и случайно дергаю спутанные пряди. Ее близость мешает мыслить здраво, и мне это нравится. Не могу остановиться... не хочу...

Наоми прикусывает мою нижнюю губу, стремясь выглядеть более сексуальной. По-моему, она переусердствовала – поранила ее до крови. Впрочем, я быстро отвлекаюсь от этой мысли: ее ладони, оказавшись у меня под рубашкой, сколь-

зят по коже, а затем настойчиво опускаются ниже, в джинсы.

Вздрагиваю, осознав происходящее, и, взяв Наоми за запястья, отстраняю от себя.

– Наоми... нет.

Она раздраженно вырывается.

– Почему?

– Ты сама понимаешь. – Тихо вздохнув, сажусь на кровать, ставлю бутылку на тумбочку и ерошу шевелюру.

Я целуюсь иногда с другими девушками – и не более того. Конечно, порой я поступаю глупо, но не настолько же. Пусть Тиффани часто устраивает мне «веселую» жизнь, пусть мы только притворяемся, что любим друг друга, и все же я никогда не посмею ей изменить.

Наоми усаживается на ковер напротив меня и, надувшись, хлопает ресницами. Лукавое выражение ее лица теперь кажется не соблазнительным, а, наоборот, отталкивающим.

– Что тут такого? Тиффани никогда не узнает. Я ей не скажу, и ты тоже. – Она начинает поглаживать мое колено.

Резко отталкиваю ее и повторяю:

– Наоми, нет.

– Ну и ладно! – фыркает Наоми и, поднявшись на ноги, поправляет волосы. Ее шатает. Внезапно она самодовольно ухмыляется. – Все равно я выиграла спор: речь шла только о поцелуе.

С этими словами Наоми разворачивается и выходит из комнаты.

Растерянно гляжу ей вслед. Какого черта? Запускаю пальцы в волосы и навзничь валюсь на кровать. Из груди вырывается стон. Лежу, пытаюсь успокоиться. Интересно, который час? Музыка стала еще громче. Скоро меня хватятся: я должен быть на кухне, пить и наливать другим, потому что именно так я всегда себя веду. Мне не пристало прятаться наверху.

Сажусь. Надо взять себя в руки. Спуститься на первый этаж. Не забывать свирепо буравить глазами всех парней, скупно улыбаться девушкам и хохотать, когда кто-нибудь шутит, даже если совсем не смешно. Такова моя роль, и я обязан играть ее как можно лучше.

Одергиваю рубашку и приглаживаю взлохмаченные волосы, чтобы никто не подумал ничего такого. Намереваюсь выкинуть осколки рюмки, но вовремя останавливаюсь: Тайлер Брюс не такой человек, чтобы убирать за собой. Так что вместо этого я допиваю пиво и швыряю пустую бутылку на пол.

Направляясь к двери, замечаю на комоде будильник. Сейчас одиннадцать пятнадцать, а значит, Дин уже здесь. Меган с Джейком тоже. А еще Тиффани, встреча с которой пугает теперь еще сильнее.

Пятью годами ранее

Отец уезжает, стоит мне только закрыть дверцу машины. Я этому рад. Когда его нет, я могу вздохнуть свободно. Напряжение уходит. Расправляю плечи и вслед за Дином иду к школе.

До начала урока еще десять минут, народ в ожидании звонка толпится у шкафчиков. У меня не так много друзей, но я все равно улыбаюсь всем ребятам, и некоторые из них машут мне в ответ. Я вообще постоянно улыбаюсь, даже когда не хочется.

– Вот и Джейк! – Дин ускоряет шаг, и мне приходится поспешить, чтобы поспеть за ним.

Высматриваю Джейка и наконец замечаю его у кабинета директора. Джейк уже спешит нам навстречу. На нем старая синяя толстовка. Взлохмаченная копна светлых волос, как обычно, падает на глаза. Вроде бы Джейк такой, как всегда, только что-то в нем изменилось. Склонив голову набок, разглядываю его.

– Я тут с половины восьмого торчу, потому что маме понадобилось раньше принять смену, – жалуется Джейк и добавляет, слегка шепелявя: – Я поговорил с тем странным пацаном с физкультуры...

Вижу металлическую полоску у него на зубах и наконец

понимаю, в чем дело.

– Тебе поставили брекетy?

– Ах, да. – Джейк делает вид, что совсем забыл об этом, хотя еще вчера их не было, и широко улыбается, чтобы мы полюбовались. – Как вам?

– А почему они зеленые? – интересуется Дин.

– Потому что это мой любимый цвет, идиот, – фыркает Джейк и хлопает его по плечу.

Мы знакомы с Джейком всего год, с тех пор, как перешли в среднюю школу, но кажется, знаем друг друга всю жизнь. Хорошо, что нас теперь трое. Джейк, как и мы с Дином, любит футбол, ненавидит математику и постоянно играет на «Плейстейшен-2».

– Врач мне чуть рот не разорвал, – делится впечатлениями Джейк по дороге в класс. Я половину пропускаю мимо ушей. Вновь возникает ощущение, что я очень далек от друзей, что на самом деле меня здесь нет. – Папа начал кричать на него и требовать, чтобы он прекратил издеваться над ребенком. А мне теперь придется весь день есть только суп.

Джейк любит поболтать и постоянно мелет какую-то ерунду, однако сейчас его слова привлекают мое внимание.

– Папа тебя защищает?

Меня всегда волнует, как относятся к другим ребятам их родители. Мой отец закатил бы глаза и велел вести себя как мужчина.

– Конечно. А тебя разве нет? – пожимает плечами Джейк

и драматично прикладывает руку к щеке. — У меня жутко болит вся челюсть! Даже дышу с трудом! Я вообще зря пошел сегодня в школу. Это настоящая пытка!

Вновь ухожу в себя. Вокруг кричат, смеются, толкают меня локтями, заезжают прямо по синяку у лопатки. Джейк понятия не имеет, какой бывает боль, что значит пытка и как тяжело не вздрагивать, когда кто-то к тебе прикасается. Я завидую ему и Дину, и всем остальным, кто приходит домой и не съеживается от ужаса при виде собственного отца.

— У тебя сейчас разве не естествознание? — удивляется Дин.

Поднимаю взгляд и обнаруживаю, что прошел мимо нужного класса. Похоже, я на эти пять минут выпал из реальности. В последнее время такое со мной происходит частенько.

— Тьфу ты, и правда. — Поворачиваю обратно. Под лопаткой пульсирует боль. — Увидимся в столовой.

Естествознание всегда проходит спокойно. На меня никто не обращает внимания. Каждые несколько секунд кто-то из ребят поднимает руку и задает вопрос, и мисс Фицджеральд по пятому разу объясняет одну и ту же тему. Сажу у окна, подперев подбородок ладонью, и смотрю сквозь грязное стекло на залитую солнцем пустую спортивную площадку. Трава на ней местами вытоптана. Через какое-то время погружаюсь в собственные мысли. Голос мисс Фицджеральд звучит все тише и вскоре совсем исчезает. Я люб-

лю тишину. Мне начинает казаться, что я один, а значит – в безопасности.

Снова думаю об отце Дина, Хью. Через несколько часов он в своем пикапе будет ждать у школы. Когда увидит нас, заулыбается и станет махать рукой, чтобы мы точно его заметили, а потом выйдет из машины поздороваться. Дина такое поведение отца напрягает. А мне очень нравится. Когда Хью похлопывает нас с Дином по спине, я на секунду представляю, что мы братья, а Хью – наш папа. Вот было бы здорово! Уверен, Хью не злился бы, когда я делаю ошибки. Не колотил бы меня и даже не повышал голос. Он бы обо мне заботился.

Конечно, я люблю отца, но не всегда. Чаще ненавижу. Может, сбежать из дома? Прямо сейчас выскользнуть из школы, доехать автобусом до вокзала, прыгнуть в какой угодно поезд... К сожалению, у меня всего пять баксов, на такие деньги билет не купишь.

– Тайлер! – Голос мисс Фицджеральд звучит прямо у меня над ухом. Словно очнувшись, обнаруживаю, что учительница, подбоченясь, возвышается надо мной и осуждающе хмурится. – Поделись с нами, пожалуйста, что там, за окном, тебя так заинтересовало?

– М-м-м...

Ребята, хихикая, оборачиваются ко мне. Что же ответить? Все хотят, чтобы я не выдержал и сдался. Нет, ни за что! Здесь, в школе, я никогда не покажу свою слабость.

Откидываюсь на спинку стула и, лениво пожав плечами, уверенно заявляю:

– Я же не виноват, что разглядывать траву увлекательней, чем слушать ваш урок.

Раздается взрыв хохота. И отлично. Буду так себя вести, и тогда никто не догадается о моих проблемах.

Мисс Фицджеральд поджимает губы. На ее лице мелькает разочарование – так на меня в последнее время смотрит большинство учителей. Еще год назад я был тихим и послушным. Сидел, не поднимая головы, и строчил в тетрадке. Старался, как мог. А теперь... Отец в любом случае мной недоволен. А значит, нечего и пытаться ему угодить.

– Тогда, наверное, ты будешь только рад подождать в коридоре. – Сложив руки на груди, учительница кивает на дверь.

Вызывающе усмехаюсь, но в глубине души чувствую себя виноватым перед мисс Фицджеральд. Она хорошая. Даже стыдно поднять на нее глаза.

Пробираюсь между партами к выходу. Все с любопытством провожают меня взглядом. Чтобы еще немного повеселить класс, громко хлопаю дверью.

В коридоре тихо. Воняет канализацией. До конца урока пятнадцать минут, поэтому я решаю провести это время здесь и начинаю расхаживать туда-сюда. Только бы отцу не сообщили, что меня выгнали с урока! Пару месяцев назад мистер Тиллер выставил меня с математики за то, что я с

ним препирался. Я был рад, что посмешил ребят и показал всем, какой я крутой. Но не предполагал, что мистер Тиллер позвонит родителям.

Когда я пришел домой, отец кипел от ярости.

Плохой был вечер.

Я изобрел специальную шкалу. Есть потрясающие вечера, когда отец мне улыбается, по секрету от мамы наливает добавку содовой, и мы вместе смеемся. К несчастью, такое случается все реже и реже, и каждый раз я напрасно надеюсь, что все наладится.

Есть хорошие вечера, когда отец меня просто не замечает, потому что занят: сидит за кухонным столом над бумагами, грызя карандаш и постукивая ногой по полу.

Чаще всего вечера бывают плохими. Это происходит, если, по мнению отца, я делаю что-то не так. Я научился терпеть. Обычно я зажимаюсь, чтобы его не видеть, и гадаю, как там у мамы на работе, прошел ли Джейми следующий уровень, нравится ли Чейзу очередной мультик... Раньше я ждал, когда все это закончится, а теперь просто стараюсь отвлечься.

А еще есть ужасные вечера. В такие отец сам на себя не похож. Его дикий, безумный взгляд навевает ужас. Отец превращается в одержимого. Последний ужасный вечер случился всего месяц назад. До сих пор вспоминаю о нем с содроганием. Именно тогда отец сломал мне запястье. Я потерял сознание, даже не успев понять, из-за чего он так разозлился.

ся. Мама считает, что я упал с лестницы. Если бы... У нее разорвалось бы сердце, узнай она правду.

Изучаю собственные ладони. Поднимаю левую руку и вращаю кистью. Порой запястье еще болит. Вдыхаю и, опираясь спиной о стену, соскальзываю на пол. Я так устал от вечного страха и попыток забыться... Утыкаюсь носом в колени и ни о чем не думаю, сосредоточившись на звуке чьих-то шагов. Шаги постепенно приближаются, и девчоночий голос спрашивает:

– Тебя что, с урока выгнали?

Поднимаю голову. Рейчел Лоусон с любопытством смотрит на меня через большие круглые стекла очков. Выбившиеся из хвостика светлые прядки обрамляют ее лицо. На некоторых уроках мы сидим рядом и иногда видимся после школы. Можно сказать, мы друзья.

– Ага, – киваю я. Нужно собраться и снова выглядеть крутым пацаном, а не собой – жалким, робким мальчиком, который заикливается на своих неприятностях и не в силах за себя постоять. Не хочу быть таким. – Я нагрубил мисс Фицджеральд. Она не оценила.

– Ну ты даешь! – Рейчел смеется и идет дальше.

– А то! – кричу ей вслед.

Конечно, не каждый умеет настолько хорошо притворяться. Такое поведение мне несвойственно, однако постепенно я к нему привыкаю. Мне нравится этот новый Тайлер Брюс: уверенный в себе и смелый. Но как только Рейчел уходит, я

опять становлюсь собой. Сажу на полу, прислонившись затылком к стене. Мысли путаются. Ноет синяк под лопаткой.

Наши дни

Музыка становится нестерпимо громкой. Медленно бреду по лестнице, опираясь о стенку, чтобы сохранять равновесие. Меня шатает, ноги подгибаются. Наверное, со стороны кажется, что я под кайфом, хотя я просто пьян, а на лестнице темно. В результате спуск на первый этаж занимает больше двух минут. Наконец захожу в гостиную.

Народу прибавилось. Или мне просто мерещится. Выпитая слишком быстро водка берет свое: я плохо соображаю, зато чувствую себя спокойнее. Сейчас главное – держаться подальше от Наоми и найти Калеба, а лучше – Деклана.

Сквозь толпу начинаю пробираться на кухню, но почти сразу же наступаю кому-то на ногу. С возмущенным восклицанием пострадавший меня отпихивает. Не считая себя виноватым, тем не менее вскидываю руки в извиняющемся жесте. Сфокусировавшись, вижу перед собой Рейчел.

– Господи, Тайлер! – Рейчел одаряет меня уничижительным взглядом и заправляет за ухо прядь светлых кудряшек. – Еще нет и полуночи, а ты уже нажрался. Хотя чему удивляться...

– Я тоже рад тебя видеть, – парирую я.

Считается, что мы с Рейчел хорошо друг к другу относимся. Все думают, что мы друзья, но в действительности это не

так. Мы познакомились, когда перешли в среднюю школу, и Рейчел сразу меня невзлюбила. По ее словам, она не согласна, как все остальные, мириться с моими закидонами. Презирает меня... Ну и плевать.

Через соломинку, чтобы не смазать ярко-красную помаду, Рейчел отпивает из бокала, не спуская с меня подведенных глаз, и, придвинувшись ближе, интересуется:

– Какая муха тебя сегодня укусила?

Понятия не имею, о чем она. Рейчел даже не было у Тиффани.

Приподнимаю бровь и отступаю назад.

– М-м-м?

– На барбекю. – Музыка так орет, что я плохо слышу. Если честно, я бы предпочел не слышать вовсе. – Когда ты появился ни с того ни с сего.

Ах, вот в чем дело. Странно, что Рейчел вообще туда пошла. Обычно такие мероприятия ей не по душе.

– Ты там была?

– Ну да. Твоя мама позвала меня познакомиться с Иден.

Опять эта Иден! Пытаюсь представить себе, как она выглядит, но ее черты тают и расплываются. Жаль. Хотя голос и губы я запомнил чертовски хорошо. Такое не забывается.

Прищуриваюсь.

– Иден?

– Твоя сводная сестра. – Рейчел, покачивая головой, смотрит на меня с жалостью. Терпеть не могу таких взглядов! – Кста-

ти, Иден считает тебя придурком, так что в людях она разбирается. Иди, Тайлер, веселись. Только не переусердствуй.

Такое ощущение, что Рейчел находится далеко-далеко от меня. Знаю: это из-за алкоголя. Она намеревается уйти, и я кладу руку ей на плечо.

– Рейчел, Тиффани здесь?

– На кухне. – Рейчел сбрасывает мою ладонь и шагает прочь.

Еще несколько секунд, а может, целую минуту стою в гостиной. Все мои мысли – о Тиффани. Надо скорее с ней помириться. Наши ссоры, как правило, не затягиваются. Мы оба слишком не уверены в себе, чтобы надолго оставаться поодиночке. Она нуждается во мне, а я – в ней. Как бы сильно мы ни поругались, мы продолжаем изображать любовь.

Потираю виски и глубоко вздыхаю. Нужно быть с Тиффани милым и обаятельным, чтобы убедить ее в своем раскаянии. Что-что, а притворяться я умею.

Пробравшись через толпу, заглядываю в кухню. Тиффани сидит с Дином и смеется какой-то его шутке. Заметив меня, она поджимает губы и, вздернув подбородок, отворачивается. В задумчивости достает бутылку вина и наполняет бокал.

Направляюсь к ней, отодвинув стоящую на моем пути Меган. Не отрывая от меня глаз, Тиффани подносит бокал к губам и отпивает глоток, стараясь не скривиться: она терпеть не может вино. Дотрагиваюсь до ее руки.

– Тиффани...

– Тайлер! – восклицает она, расплываясь в такой неискренней улыбке, что мне становится противно. Неужели никто не видит, что это все показуха? Что наши отношения – полное дерьмо?

Тиффани обнимает меня за шею, заставив пригнуться, и целует. На ее губах ощущается привкус мяты и дешевого вина. Кусает мою нижнюю губу – дает понять, что сердится. Тем не менее я отвечаю на поцелуй и даже обхватываю ее за талию, как она любит, потому что на нас смотрят.

Наконец Тиффани отрывается от моих губ и изображает улыбку, хотя все равно видно: она злится. Не выпуская ее из объятий, утыкаюсь лицом ей в ключицу и шепчу:

– Надо поговорить.

Тиффани чуть заметно кивает, а затем, поправив волосы, увлекает меня прочь из кухни. Покорно слеую за ней, мельком отмечая, что за нами наблюдают Дин и Калев. Первый – неодобрительно и слегка раздраженно, второй – насмешливо, с долей любопытства. Хорошо, что Тиффани держит меня за руку, иначе я мог бы упасть. После водки голова свинцовая.

– Мы на минуту, – бросает через плечо Тиффани, как будто кому-то из присутствующих есть до нас дело, и распаивает дверь на лужайку, навстречу свежему воздуху.

Похоже, я пьян в дупель. Вот черт. Потирая лоб, хватаюсь за плечо Тиффани. Неужели мне всю ночь будет так паршиво? Голова кружится, перед глазами все плывет. Тиффа-

ни страхивает с себя мою ладонь. Тщетно пытаюсь удержать равновесие, приваливаюсь спиной к стене дома.

Теперь, когда нам больше не надо разыгрывать неземную любовь, улыбка сползает с ее губ. Тиффани скрещивает руки на груди и недобро щурится. Очевидно, продолжает злиться из-за сегодняшнего скандала. А нечего было приплетать моего отца. Вероятно, сейчас не лучшее время для попыток помириться, особенно если учесть, в каком я состоянии. Однако выбора нет: Тиффани стала для меня костылем. Она – часть той успешной, счастливой жизни, видимость которой я пытаюсь создать. Кроме того, она по первому же требованию готова заняться со мной сексом. Уже ради одного этого стоит наладить с ней отношения.

– Извини, что так некрасиво себя повел, – начинаю я, потому что она ждет, чтобы я умолял ее о прощении. Это льстит ее самолюбию.

Не чувствуя за собой вины, пытаюсь изобразить на лице сожаление, хотя пьян вдрызг, а в глазах двоится.

– И за то, что разбил бутылку о стену, – раздраженно напоминает Тиффани и отворачивается. Ее терпение вот-вот лопнет. Надо как-то ее умаслить.

– И за это тоже. – Пошатываясь, шагаю вперед и беру ее за запястье. Тиффани даже не смотрит в мою сторону. – Малыш, ну прости. Такой уж у меня характер. Я могу вспылить. Ты все правильно сказала.

Я попросил бы Тиффани не упоминать больше о моем от-

це, если бы не боялся опять с ней поссориться. Такое даже представить страшно. Тем более она и так в курсе: я не выношу, когда кто-то о нем заговаривает, это мое слабое место.

Наконец смягчившись, Тиффани поворачивается ко мне и вздыхает.

– Ты идиот, Тайлер, но ты мне нравишься. Поэтому, если ты начнешь продавать наркотики, я молчать не стану, – невинно произносит она, желая напомнить: если что, она, не колеблясь, меня сдаст. Я должен во всем ей подчиняться, всегда плясать под ее дудку. Только тогда она будет довольна. – Ты нужен мне живым и здоровым. Здесь, рядом, а не в тюрьме. Полюбуйся на себя! Надрался до чертиков. Может, ты еще и под кайфом?

– Нет. – В кои-то веки я не вру. Опять беру Тиффани за руку. На этот раз она не сопротивляется. Подхожу ближе и дотрагиваюсь до ее подбородка, побуждая поднять голову и взглянуть на меня. Обычно ее это успокаивает. – Просто выпил лишнего.

Минуту Тиффани пытливо глядит на меня, потом опять хмурится.

– Ты же не всерьез собирался помогать Деклану Портвуду с продажей наркоты?

Снова-здорово! Как же достали ее вопросы!.. Сунув руки в карманы, пожимаю плечами.

– Не знаю.

– Зачем, Тайлер? Денег тебе и так хватает. – Она, вздох-

нув, поджигает губы и откидывает за спину волосы. Неужели Тиффани все-таки за меня беспокоится? – Представь: мы все поедem в колледж – учиться и развлекаться, а кое-кто в это время будет сидеть за решеткой. Если ты к такому готов, то ты просто сумасшедший. Пусть Деклан ищет другого дурака!

У меня больше нет сил с ней препираться. Тем более что это бессмысленно. К тому же ужасно тянет выпить. Поэтому сдаюсь и, как обычно, позволяю ей победить.

– Ты права. Я не стану помогать Деклану. Глупо было даже думать об этом.

На лице Тиффани появляется сияющая улыбка.

– Клянeшься, Тайлер?

– Клянусь. А теперь иди ко мне. – Беру ее за хрупкие плечи и, притянув к себе, обнимаю. Чтобы не грохнуться, кладу подбородок ей на макушку и старательно фиксирую взгляд в одной точке. – Это же лучше, чем ругаться, правда?

– Угу, – соглашается Тиффани, прижимаясь щекой к моей рубашке. И вдруг резко отходит. – У меня сейчас макияж размажется!

Закатываю глаза и едва не падаю из-за головокружения. Чтобы устоять на ногах, целую ее.

Пятью годами ранее

Выйдя из школы, я сразу принимаюсь искать взглядом пикап Хью, поэтому замечаю его еще издалека: он стоит у тротуара. Мы с Диним шагаем через школьный двор к автомобилю. Сегодня не такой уж неудачный день: пусть меня выгнали с естествознания, зато я пошел на физкультуру, и все прошло успешно, а еще нас забирает Хью. Главное, чтобы и дальше все шло гладко.

– Ну почему он вечно вылезает из машины? – ноет Дин, наблюдая за отцом.

Хью с улыбкой машет нам. Дин тихо стонет:

– Вот отстой! Убейте меня, пока его никто не заметил!

И чем он только недоволен? Мой отец никогда бы не вышел мне навстречу. Он даже не улыбается, когда я сажусь к нему в автомобиль. А Хью – замечательный!.. В ответ показываю ему большой палец. Дин кидает на меня испепеляющий взгляд, как на предателя. Ну и плевать. Он даже не понимает, как ему повезло.

– Привет, ребята! – здоровается Хью.

На его подбородке пятно от машинного масла. Наверное, только что с работы. У Хью собственная автомастерская, и он надеется, что Дин станет его помощником, когда вырастет. Мой отец тоже планирует, что я буду на него работать,

поэтому и предъявляет ко мне такие требования. А я совсем не уверен, что этого хочу.

– Папа, пожалуйста, перестань выставлять меня на посмешище! – требует Дин, забираясь на переднее сиденье.

Устраиваюсь сзади и пристегиваю ремень.

– Выставлять тебя на посмешище? – расширив глаза, с шутливым изумлением переспрашивает Хью, садясь за руль, и гладит сына по голове. – Никогда!

– Не надо! – Дин отталкивает его руку и обиженно отворачивается к окну.

Конечно, мое присутствие его смущает. Если бы Дин только знал, как я ему завидую. На прошлой неделе отец таскал меня за волосы по всей кухне. На месте Дина я был бы счастлив вот так «выставлять себя на посмешище». Хоть каждый день.

– Эй, Дин, не дуйся, – смеется Хью и, пристегнувшись, заводит мотор, а потом смотрит на меня через плечо. – Тайлер, ты не хочешь сегодня зайти к нам и поиграть пару часиков в футбол? – Он улыбается, добродушно и, в отличие от моего отца, совершенно искренне.

– Вы меня приглашаете? – переспрашиваю я.

Конечно, очень хочу! Правда, я должен делать уроки... Но ведь выучить их надо не к завтрашнему дню!

– Приглашаю. – Хью жмет на газ, и машина трогается с места. – Я предупрежу твоих родителей.

Мы едем к дому Картеров, и я горячо надеюсь, что отец

сегодня вернется поздно. Да он, наверное, и не будет против, если я погощу у Дина. Ведь на домашку остается еще целый вечер.

Мы с Дином решаем сделать перерыв в игре, когда его мама приносит нам сок. Тяжело дыша, ложимся на лужайку и смотрим в небо. Оборачиваюсь к Дину.

– Представляешь, если бы мы были братьями...

Дин слегка хмурится, а потом расплывается в улыбке.

– Ты и так мне как брат!

– Тогда можно у тебя кое-что спросить? – Усаживаюсь, скрестив ноги, и нервно обрываю травинки. Я давно хотел поговорить с ним об этом, и сейчас мне представилась такая возможность: рядом никого нет. Мы с Дином друзья. Почти братья. Ему можно доверять.

Дин садится рядом со мной.

– Что?

– Папа на тебя когда-нибудь сердится?

– А то, – кивает Дин. – В воскресенье я случайно пролил кофе ему на рубашку прямо перед выходом в церковь. Он та-а-ак ругался!

– Нет. – Качаю головой. Он не понял. – Я имею в виду, сильно сердится. Очень сильно.

Я пытаюсь выяснить, нормально ли то, что вытворяет отец. Думаю, что нет. Вряд ли другие папы распаляются до такой степени и бывают настолько безжалостными. Может,

это со мной что-то не так? Я сам провоцирую отца, вывожу его из себя? Ведь все остальные его только радуют, а я почему-то вечно раздражаю.

Дин не успевает ответить: нас отвлекает звук мотора. Оглядываюсь и чувствую, что мне не хватает воздуха. Это он.

«Мерседес» отца плавно останавливается у тротуара. Словно окаменев, неотрывно смотрю на него. Сердце отчаянно колотится. Отец выходит из машины. Кладет одну руку на распахнутую дверцу, а другую упирает себе в бок. Отмечаю, как сверкают на солнце золотые часы, которые мама подарила ему на Новый год. Галстук отца ослаблен и свободно болтается на шее.

– Тайлер, – резко зовет отец. Его зеленые глаза холодно сверкают. Ясно, он не в духе. – Я же велел тебе после школы идти домой и садиться за уроки.

Торопливо поднимаюсь на ноги и, заикаясь, бормочу:

– Мы просто играем... в футбол... Хью меня пригласил...

В этот момент Хью, радостно улыбаясь, выходит на крыльцо. Легок на помине. Наверное, наблюдал за нами с Дином в окно.

Хью машет отцу рукой.

– Здорово, Питер!

– Ты должен был отвезти Тайлера домой, – вместо ответного приветствия ледяным тоном произносит отец и, сжав губы, неприязненно взирает на него.

Улыбка Хью увядает. Растерянно поморгав, он чешет в затылке.

– Элла разрешила ему побыть у нас до шести.

– Нет. Мой сын должен учиться, а не бездельничать. – Отец не скрывает, что взбешен, хотя вообще-то они с Хью – приятели. Он переводит взгляд на меня и строго добавляет: – Тайлер, собирайся.

– Питер, да ладно тебе! – Хью смеется, пытаюсь разрядить повисшее между ними напряжение. – Это же дети. Они всего лишь в седьмом классе, а не в колледже. Пусть Тайлер поиграет, а к шести я отвезу его домой.

Отец грозно сдвигает брови и, не удостоив его ответом, подгоняет меня.

– Тайлер, я сказал, собирайся.

– Уже уходишь? – подает голос Дин.

Он так и сидит на траве.

Пожимаю плечами.

– Извини...

Выбора нет. Отец сердится. Я уже представляю себе, что ждет меня дома. Глупо уговаривать отца разрешить мне побыть здесь подольше. Бегу по лужайке к крыльцу, где валяется мой рюкзак. Хватаю его и закидываю за спину.

– Прости, дружок. – Хью с виноватой улыбкой гладит меня по волосам.

Вероятно, он видит, что мой отец очень строгий. Жаль, что не знает, до какой степени, иначе обязательно обратился

бы в полицию. Я ведь не могу сам позвонить и донести на собственного отца.

«Пожалуйста, не отдавайте меня, — мысленно умоляю я. — Оставьте тут».

Поднимаю лицо к Хью и стараюсь глазами выразить все, что чувствую. Господи, пусть он поймет, как я напуган, и не отпустит к отцу. Пусть он мне поможет!

Но, конечно же, Хью ничего не замечает.

Обреченно плетусь к машине. Ноги словно ватные. Тело каждой клеточкой бунтует и сопротивляется. Однако я продолжаю брести вперед, не в силах даже посмотреть на отца, хотя все время ощущаю, как тот за мной следит. Понурясь, сажусь на переднее сиденье и пристегиваюсь.

Боюсь остаться с отцом наедине. Не хочу, чтобы мне опять было больно.

Отец садится за руль, громко хлопнув дверцей, и заводит мотор.

Наши дни

Стою на лужайке у собственного дома. Фиг знает, как я сюда добрался. Сейчас середина ночи. Я пьян вдрызг. Едва держусь на ногах, перед глазами все плывет. Я что, пришел сюда пешком? В таком случае сам себе поражаюсь, как это я умудрился пройти две мили в таком состоянии. Оглядываюсь. Слава богу, моей машины нигде не видно. Значит, по крайней мере, за руль я не садился. Может, кто-то меня подвез? А кто? Вообще не помню, что произошло в последние часы. Я же собирался ночевать у Тиффани. Где она?

– Тиффани! – кричу я.

Нет ответа. Рядом – никого, улица пуста. Ни одно окно не светится.

По-прежнему сжимаю в кулаке банку. Пива в ней всего лишь на доньшке. Пошатываясь, допиваю остатки и, смяв банку, кидаю ее на землю. Как мне плохо... Надо поспать.

Сую руку в карман – ключей от дома нет, только от машины. Обшариваю другие карманы. Извлекаю несколько зажигалок, жвачку, телефон... и только сейчас вспоминаю, что вообще не брал с собой ключи.

– Черт, – выдыхаю я и, помолчав, повторяю громче: – Черт!

В доме, судя по всему, все уже спят. Маме очень не понра-

вится, если ее пьяный в стельку сын перебудит всю семью.

– Нет, – громко убеждаю сам себя и качаю головой. – Нет.

Не буду никого поднимать с постели. И лезть в окно тоже. Это глупо. Лучше вздремну на лужайке. Благо сегодня не холодно, только ветрено немного. Усаживаюсь прямо на траву и провожу ладонью по сухим стебелькам. Сойдет, удобно.

– Что за фигня? И когда это успело перевалить за полночь? – вопрошаю я и заливаюсь смехом.

Наверное, со стороны я смотрюсь жалко. Подумать только: сижу на лужайке и беседую сам с собой!

Неожиданно слышится:

– Эй!

У меня обычно не бывает галлюцинаций от выпивки, и привидений здесь не водится. Наверное, просто показалось. Но тут снова раздается шепот, на этот раз громче и явственней.

– Подними голову! – командует девичий голос.

Безуспешно щурюсь в темноту и наконец замечаю, что кто-то глядит на меня из окна гостевой спальни на втором этаже. Та самая девица с удивительным голосом. Моя сводная... нет, даже выговорить не могу. Она что, все это время за мной наблюдала?

– Какого черта тебе нужно?

– Ты в порядке?

Мне представляется, как она взволнованно кусает свои пухлые, выразительные губы.

«Конечно, нет, — проносится в голове. — Я полуживой и не могу зайти в дом».

Неожиданно осознаю, что именно этой девчонке суждено стать моим спасителем. Она меня впустит, и я все-таки смогу поспать на подушке, а не на банке из-под пива.

— Отопри дверь. — Поднимаюсь и, пошатываясь, иду к входу.

Боюсь, меня сейчас вырвет. Вот дерьмо! Я же умею пить! Или только воображаю, что умею... Скорее бы очутиться у себя. Однако девчонка что-то не торопится мне на выручку. Несколько минут жду, глубоко дыша, чтобы справиться с тошнотой. Через какое-то время замок щелкает, и дверь распаивается.

Она стоит передо мной в джинсах и футболке. Волосы взлохмачены, в глазах — усталость. Как ее зовут? Ирма? Инна? Нет, не так... Что-то вертится на языке... Вроде бы Иден. Точно, Иден.

— Где ты там застряла, черт возьми?! — О господи, меня вот-вот вывернет. Зажимаю рот и протискиваюсь мимо нее в дом.

Иден брезгливо морщится и запирает дверь.

— Ты пьян? — зачем-то уточняет она.

Неужели не видно?

— Трезв как стеклышко, — ехидничаю я. — Что, уже утро?

Она слегка приподнимает брови.

— Три часа ночи.

Н-да, рановато. Меня разбирает смех, но тут к горлу опять подкатывает тошнота. Повисая на перилах, карабкаюсь на второй этаж, рискуя грохнуться с лестницы. Как бы ноги не переломать...

– Откуда тут эти скалы? Их здесь не было. – Хлопаю по одной из ступенек.

Иден недоуменно наблюдает за мной.

– Принести тебе воды?

Вода бы мне сейчас ой как не помешала... Но признаваться в таком – полный отстой, а я должен выглядеть крутым парнем, таким, каким все меня и считают. Эта девица не знает, какой я на самом деле, и не узнает никогда.

– Лучше пива, – шучу я, обернувшись через плечо, и с усилием преодолеваю оставшиеся ступеньки.

Вот и моя комната с еще не разобранной постелью, а рядом ванная... Наконец-то! Плотно прикрыв за собой дверь, добираюсь до унитаза, и в ту же секунду меня выворачивает.

– Уму непостижимо! – гневно бормочет мама.

Она уже минут пять ходит по комнате, поднимает с пола вещи и убирает мусор. Специально занялась этим именно сейчас, чтобы меня помучить: еще нет и девяти!

– Уму непостижимо, – повторяет она и, подойдя к окну, поднимает жалюзи.

Солнечный свет бьет в глаза, и я, застонав, накрываю голову подушкой.

– Мам, пожалуйста, перестань!

Я весь вспотел. Меня мутит, голова раскалывается. Хочу спать. И пить. В горле так сухо, что даже дышать тяжело.

– Надеялся скрыть от меня, что опять пьянствовал? – Мама встает у кровати и, сложив руки на груди, окидывает меня сердитым взглядом. – Думал, я ничего не замечу? Да ты весь провонял алкоголем! Посмотри, на кого ты похож! – Она с отвращением качает головой. – Вставай! Я не дам тебе весь день лежать! Сумел вчера напиться – сумеешь и подстричь траву на лужайке.

– Мам, – умоляюще вздыхаю я. Все тело болит. Лучше умереть, чем страдать от такого похмелья. – Пожалуйста, оставь меня в покое.

Смягчившись, мама озабоченно морщит лоб.

– Проблемы надо решать, Тайлер, а не прятаться от них.

Ясно, что она имеет в виду и куда клонит. Но сейчас – не самый удачный момент, чтобы читать мне нотации.

– Попытки просто забыть обо всем только вредят. Может, тебе стоит поговорить...

В эту секунду на прикроватной тумбочке начинает вибрировать мой мобильный. Мама умолкает и, взглянув на экран, с раздражением передает мне телефон.

– Это Тиффани.

Сейчас бы маме самое время уйти, но она остается и осуждающе смотрит на меня. Тиффани ей не нравится. Мама знает меня как облупленного и понимает, что я не испытываю

к своей подруге никаких чувств, хоть и встречаюсь с ней вот уже три года.

Отворачиваюсь к стене и прикладываю мобильник к уху.
– Что тебе?

Совсем с ума сошла – звонить в такую рань! Она вообще вчера добралась до дома или так и осталась ночевать в гостях?

– Просыпаемся, котик! – щебечет Тиффани так бодро, что я с трудом сдерживаю рвоту. Разве она, как и я, не страдает от похмелья? Хотя не помню, пила ли она вчера. Вообще ничего не помню. – Будь готов через полчаса. Поедем по магазинам, на Променад. Если хочешь, можем забрать свою машину.

– Ты смеешься? – Застонав, стираю пот со лба. Я весь мокрый, даже волосы. Сейчас бы под прохладный душ... – Тиффани, я тут помираю.

– Так тебе и надо, сам виноват. – Горько рассмеявшись, она настойчиво добавляет: – Через полчаса я у тебя.

И отключает трубку. Все вернулось на круги своя.

Зло швыряю телефон на пол и скриплю зубами. Если бы я вчера не стал к ней подлизываться, сегодня можно было бы преспокойно сидеть дома.

– Ну что опять? – спрашивает мама.

Хотел бы я, чтобы она перестала все время вздыхать. Такое ощущение, что я только и делаю, что осложняю ей жизнь.

– Похоже, еду в центр, – бормочу я, сбрасывая одеяло и

саясь на постели.

– Никуда ты не поедешь. Ты под домашним арестом. – Мама старается говорить твердо, но очевидно, что это – пустая угроза.

У мамы уже опускаются руки. А я терпеть не могу ее огорчать, просто не представляю, как жить иначе. Я такой, какой есть.

Упрямо возражаю:

– Я отправляюсь на Променад.

Мама сдается и, в очередной раз вздохнув, уходит.

Я признателен маме за то, что она принимает мои недостатки, и очень сожалею, что не могу от них избавиться: мама заслуживает лучшего.

На подгибающихся ногах бреду в ванную и встаю напротив зеркала. Выгляжу отвратительно, словно в аду побывал. Все болит... Порывшись в шкафчике, достаю обезболивающее и прописанные мне антидепрессанты. Глотаю таблетки и, чтобы взбодриться, как можно дольше стою под холодным душем. Глаза больше не слипаются, однако чувствую себя все равно паршиво.

Сил не хватает, даже чтобы одеться. Каждые несколько секунд приходится останавливаться, чтобы передохнуть. С грехом пополам все же успеваю собраться до того, как за окном раздается гудок клаксона. Сую в карманы ключи и кошелек и тут вспоминаю вчерашний эпизод: я не мог войти в дом, и меня впустила эта Иден. Воображаю, что было бы, ес-

ли бы мама утром обнаружила сына спящим на газоне. Иден спасла меня от унижения. Выхожу в коридор и останавливаюсь напротив гостевой спальни... точнее, спальни Иден. Дверь плотно закрыта. Не уверен, что та уже проснулась. Может, постучать? Надо бы поблагодарить. Хотя вчера на ее лице было такое отвращение... Отшатываюсь от двери и то-ропливо прохожу мимо. Во-первых, Тиффани ждет в машине. Во-вторых, Иден вряд ли будет мне рада. Наверняка она от меня не в восторге, как и все остальные. Ну и отлично. Пусть держатся подальше.

На цыпочках спускаюсь на первый этаж и оглядываюсь: мамы и Дейва поблизости нет. Подлетаю к входной двери и, выбравшись из дома, шагаю к красному автомобилю Тиффани.

– Дерьмово смотришься, – отмечает Тиффани, когда я сажусь рядом. Ей-то хорошо говорить. Черта с два она вчера пила! Иначе не смогла бы встать в такую рань, тщательно уложить волосы и накраситься. Вид у Тиффани цветущий, но на комплименты нет сил. – Хочешь, чтобы я показалась на людях с таким «красавцем», как ты?

– Мне сегодня совсем паршиво. – Пристегиваюсь и, откинувшись на спинку сиденья, закрываю глаза. – Голова трещит. Давай помолчим.

– Какой ты зануда! – восклицает Тиффани.

Машина трогается с места. Стараюсь дышать поглубже, чтобы избавиться от тошноты.

В кои-то веки Тиффани решает не перечить и заткнуться: всю дорогу она не произносит ни слова. Правда, радио работает, и от него в висках пульсирует боль. Такое ощущение, что звук становится все громче и громче, хотя, наверное, мне только так кажется. Открываю окно, чтобы впустить свежий воздух. Такое впечатление, будто меня дважды переехал автобус. Никогда больше не буду так напиваться! В следующий раз как пойму, что хватит – сразу остановлюсь. М-да, сказать-то легко...

Припарковавшись, Тиффани глушит мотор и игриво тянет:

– Я знаю, что тебе поможет. Мамы сегодня не будет дома... – Разлепляю веки. Тиффани отстегнула ремень безопасности и, наклонившись ко мне, сексуально облизывает поблескивающие от помады губы. – И вечером мы с тобой могли бы...

Она нашла отличный способ привлечь мое внимание. Поворачиваюсь к ней и приподнимаю бровь.

– Могли бы что?

Конечно, не секрет, что Тиффани собирается предложить. Но мне нравится, когда она произносит это вслух, забавно краснея...

– Мы могли бы... – хлопая ресницами, шепчет она и придвигается ближе, – продолжить вот это. – Тиффани кладет ладонь мне на грудь и целует меня. Все как всегда: она старается руководить процессом. Впрочем, я всегда беру верх:

уже спустя пару мгновений я глажу волосы Тиффани и покусываю ее нижнюю губу. Поцелуй длится меньше минуты: Тиффани меня отталкивает. – Ну, как тебе идея?

– Угадай!

У Тиффани есть и достоинства: она хороша в постели и помогает мне отвлечься от неприятных мыслей. Конечно, я ее использую, но ведь и она использует меня. Уже четыре года мы с ней держим лидерство в школе и всеми командуем. Наверное, мы расстанемся следующим летом, когда Тиффани уедет в колледж и найдет там себе другого парня, который скрасит ее студенческую жизнь. Мы оба не питаем иллюзий насчет друг друга и наших отношений, так что все по-честному.

Меня это устраивает. Я не хочу быть с Тиффани до конца своих дней. Ни с ней, ни с кем-либо другим. Я вообще особо не думаю о будущем: мне бы с настоящим разобраться. Понятия не имею, где буду через пару лет. Вряд ли я смогу поступить в колледж. В мужья и отцы я тоже не гожусь. Если честно, не гожусь вообще ни на что. Поэтому живу сегодняшним днем и далеко не загадываю.

Стараясь побороть тошноту, следую за Тиффани на Третью улицу, где и расположен Променад – краса и гордость Санта-Моники. Этот торгово-развлекательный комплекс здесь любят не меньше, чем пляж и пирс. Сегодня суббота, сияет солнце, и по Променаду прогуливаются толпы людей. Тут и там выступают уличные артисты. В магазинчи-

ках одежды и в кафе полно народу. Скоро и мы с Тиффани к ним присоединимся.

Держась за руки, пробираемся вглубь Променада. Тиффани виляет бедрами, стараясь обратить на себя внимание. Я совсем без сил, хотя свежий воздух чуть-чуть помогает. Мы заходим в «Американ аппаратель»: Тиффани хочет присмотреть себе наряд.

– Как тебе вот эти? – спрашивает она, наверное, в пятнадцатый раз, потрясая очередными джинсами перед моим носом.

Не представляю, чем они отличаются от предыдущих.

– Я... честно... не знаю.

И вообще, мне наплевать. Переминаюсь с ноги на ногу у вешалки с майками, на которые объявлена акция, и со скуки глазею на посетителей магазина. Внезапно замечаю в дальнем углу вход в дополнительные примерочные. Правда, надпись на двери гласит, что они закрыты. И хорошо.

Перевожу взгляд на Тиффани. Она застыла перед зеркалом, приложив к себе джинсы, и тщательно рассматривает собственное отражение. Обнимаю ее за талию и шепчу на ухо:

– Зачем откладывать до вечера? – Провожу губами по ее шее. – Можем продолжить прямо сейчас.

– Тайлер! – Тиффани, порозовев, поворачивается и замахивается на меня джинсами.

Она изображает на лице ужас и возмущение, однако в гла-

зах пляшут чертики: мое предложение пришлось ей по вкусу.

Отбираю у Тиффани джинсы и швыряю их на ближайшую полку.

– Пойдем! – беру ее за руку и решительно тяну к закрытым примерочным.

Нужно как-то умаслить Тиффани, а она просто обожает чувствовать себя желанной, даже несмотря на то, что мы друг друга не любим.

Оглядываюсь по сторонам – никого из сотрудников магазина поблизости не видно. Открываю дверь и ныряю туда, увлекая за собой Тиффани.

– Это плохая идея, – бормочет она, стискивая мою ладонь. – Очень плохая.

Наклоняюсь к ней и, не давая опомниться, запечатываю ее губы своими. А то сейчас психанет и все испортит. Не прерывая поцелуя, вталкиваю Тиффани в кабинку и задегиваю шторку. Каждый из нас, как обычно, пытается подчинить себе другого. Тиффани крепко обхватывает меня за шею, а я запускаю пальцы в ее волосы и дергаю уже слегка спутавшиеся пряди: мы никогда не нежничаем друг с другом.

– Постой! – со смехом шепчет Тиффани, вырываясь из моих объятий.

Ее голубые глаза озорно поблескивают: наше занятие доставляет ей массу удовольствия.

– Ну, крошка...

Хватаю ее за блузку и снова притягиваю к себе. Начинаю расстегивать пуговицы, чмокая Тиффани по очереди в уголок рта, подбородок и шею.

– Что у тебя за парфюм? – Тиффани, тяжело дыша, притягивает меня за шевелюру. – Пахнет, как «Монблан».

Да сколько же можно болтать?!

– Нет, это «Бентли». Иди ко мне.

Снова впившись в ее губы, припираю Тиффани спиной к перегородке между кабинками. Мое похмелье прошло. Я целую свою потрясающе сексуальную девушку в чертовой примерочной в «Американ аппаратель» и – что неудивительно – наслаждаюсь каждым мгновением!

Распахиваю блузку Тиффани и покрываю ее грудь поцелуями. Мы едва не падаем. Тиффани одной рукой хватается за мою футболку, а другой – обнимает меня за шею.

– Что ты делаешь?

– Что? – невнятно переспрашиваю я, не отрывая губ от ее груди.

– Ну вот это, сейчас, – задыхаясь, уточняет она. – Было приятно.

Даже не знаю, что конкретно она имеет в виду. Я просто целую ее и глажу. Мои ладони скользят по ее телу, заходят под юбку, проводят по бедрам.

– Конечно, приятно.

На секунду отстраняюсь, чтобы стащить с себя футболку. Берусь за ремень джинсов, намереваясь его расстегнуть, но

Тиффани удерживает меня за запястье.

– Тайлер, давай не здесь. – Хотя она качает головой, в ее глазах на мгновение вспыхивают озорные искорки.

Уже собираюсь сердито сощуриться и спросить, какого черта, и тут слышу чей-то крик:

– Иден, ты еще там?

Мы оба замираем.

– Тс-с-с! – с тревогой шипит Тиффани и громко спрашивает: – Кто здесь?

Долго никто не отвечает, а затем раздается голос:

– Тиффани?

– Рейчел?

Слава богу! Я уже боялся, что это сотрудник магазина. Мы с Тиффани переглядываемся и вздыхаем с облегчением. Тиффани отодвигает шторку и выходит из кабинки. Я остаюсь на месте.

– Не думала, что тут кто-то есть, – смущенно признается Тиффани.

Не сомневаюсь: в глубине души она довольна, что нас застукали. Теперь пойдут всякие сплетни вроде: «Вы слышали, чем Тиффани и Тайлер занимались в «Американ аппарат» на выходных?» А ей только этого и надо. Ведь тогда все лишний раз убедятся, что да, мы все еще вместе, и да, у нас такая любовь, что мы отлипнуть друг от друга не можем.

– Что ты тут делаешь? – любопытствует Рейчел и громче добавляет: – Тайлер, ты тоже здесь?

Сжимаю зубы, потираю виски и наконец откликаюсь:

– Угу. – Выхожу из-за шторы, попутно натягивая футболку. Волосы взлохмачены, и я пытаюсь их пригладить. Как же Рейчел не вовремя! – Ты в курсе, что есть такое понятие, как личная жизнь?

Рейчел, как всегда, окидывает меня осуждающим взглядом.

– А ты в курсе, что «Американ аппаратель» – не место для свиданок? Смотреть тошно!

Тиффани сконфуженно принимается застегивать пуговицы.

Обнаруживаю, что Рейчел не одна. Рядом с ней стоит рас-терянная Иден с ворохом одежды в руках. Она застенчиво опускает голову, но продолжает настороженно следить за происходящим.

– На черта вы вообще сюда заявились? – Я поворачиваюсь к Иден. Неужели она с самого начала была здесь? И какого она теперь мнения обо мне? Вчера я при ней так вызывающе вел себя на барбекю, потом явился домой среди ночи пьяным, а сегодня... Конечно, она не видела нас в этой гребаной кабинке, однако наверняка догадалась, в чем дело. Теперь считает меня полным кретином. Отлично.

– Представь себе, решили примерить одежду. – Рейчел закатывает глаза. – Что, заметь, вполне нормально.

Тиффани тоже не слишком счастлива, что нас прервали. Она неприязненно смотрит на Рейчел и лишь потом обра-

щает внимание на Иден. Не знаю, знакомы ли они.

– А ты вообще кто такая?

Тиффани напускает на себя высокомерный вид – именно такой она хочет казаться. Мы с ней оба неплохие актеры. Тиффани всем стремится дать понять, кто здесь главный. Она пристально разглядывает Иден, стараясь ее смутить. Иден явно чувствует себя неловко, и мне даже немного стыдно.

– Иден, – слегка испуганно и тихо отвечает она своим изумительным, хрипловатым голосом и кивает на меня. – Его сводная сестра.

– У тебя есть сводная сестра? – переспрашивает Тиффани, изумленно уставившись на меня.

Я об этом не упомянул: не счел нужным. Иден приехала сюда только на лето, и вообще я напрочь забыл о том, что она собирается у нас погостить. Тиффани же убеждена, что я должен докладывать ей буквально обо всем. Для нее это важно.

Мне остается только пожать плечами.

– Как выяснилось.

Тиффани растерянно моргает. Похоже, я здорово ее взбесил.

– Как ты здесь оказалась? – набрасывается она на Иден. – Шпионила за нами?

– Малыш, расслабься. – Предостерегающе беру ее за руку. Тиффани явно намерена устроить Иден допрос с пристра-

стием, только чтобы потешить свое самолюбие. Но Иден вчера помогла мне, и значит, я ей обязан. Утихомирить Тиффани – меньшее, что я могу сделать для своей спасительницы. – Тоже мне, нашла проблему! Перестань.

Тиффани вырывается и складывает руки на груди. Она злится, что я ее не поддержал. Ну и пусть.

– Уж и сказать ничего нельзя, – ворчит Тиффани.

– Вот и не говори. – Поглядываю на Иден. Она внимательно наблюдает за нами. – Идем отсюда. Мне еще надо заскочить в «Левис».

На самом деле в «Левис» мне не нужно. Просто хочу поскорее выбраться из этих дурацких примерочных. Обнимаю Тиффани за плечи и пытаюсь притянуть к себе, та упрямо не двигается с места.

– Увидимся во вторник. – Тиффани обращается к Рейчел. – Ты ведь придешь на пляж?

– Приду, – кивает та и переводит взгляд на Иден. Нетрудно догадаться, о чем она думает. Как вообще получилось, что Рейчел с Иден подружились? Ах да, чертово барбекю... – Ты не против, если к нам присоединится Иден?

Тиффани медленно вздыхает и надувает губы. Она держит долгую паузу, явно демонстрируя, что Иден пришлась не ко двору. Бедная Иден! Наша компания, в которой Тиффани верховодит, сложилась еще в средних классах, и Тиффани больше никого не желает в нее принимать. Боится, что ее лидерству придет конец.

– Не против, – помедлив, милостиво соглашается она.

Как же мне все это надоело! И самовлюбленность Тиффани, и презрительные реплики Рейчел... Снова тяну Тиффани из примерочных, и на этот раз она не сопротивляется. Наверстаем упущенное позже. Сегодня же вечером. Конечно, если Тиффани успеет к тому времени остыть.

Заходя обратно в заполненный посетителями магазин, оборачиваюсь через плечо, однако дверь за нами сразу захлопывается. Черт! А я-то надеялся еще раз увидеть Иден. Потому что на нее не налюбовался.

Пятью годами ранее

Отец постукивает по рулю – губы крепко сжаты, глаза устремлены на дорогу. Радио включать не стал, а это значит, что он не просто раздражен, а вне себя от ярости. И я понимаю, из-за чего. Ведь мне было приказано решать заново уравнение, в котором я допустил ошибку, а не ехать к Дину. Зря я не попросил Хью отвезти меня домой. Нужно было проявить благоразумие.

– Я... я собирался сделать математику попозже, – бормочу я.

Сижу, нервно теребя пальцы, и боюсь даже поднять взгляд на отца.

– Я велел тебе сразу садиться за уроки, – сквозь зубы цедит он, стиснув рычаг переключения скоростей. Однажды он объяснил мне, что настоящие мужчины ездят на автомобилях с механической коробкой передач. – Ты прекрасно знаешь, что происходит, когда ты оставляешь уроки на вечер. Ты начинаешь ныть, что устал, и не можешь сосредоточиться.

– Я все сделаю сразу после ужина! – испуганно покосившись на него, обещаю я.

Вдруг мне удастся успокоить отца? Ведь я и правда планировал решить сегодня это уравнение! Просто хотел сначала

ла поиграть в футбол, как Дин: он часто гоняет мяч после занятий.

– Тайлер, заткнись, пожалуйста, – как всегда, тихо, но твердо перебивает отец, не отрываясь от дороги, и потирает свободной ладонью висок.

Опускаю голову и с досадой легонько пинаю рюкзак. Хью прав: мы всего лишь в седьмом классе. Почему отец так серьезно ко всему относится? Как будто моя судьба зависит от того, какую оценку я получу за один-единственный тест. Я самый старательный ученик в школе, а отец все равно недоволен.

Всю оставшуюся часть пути не произношу ни слова, изучая собственные ладони. Без обычной болтовни радио повисшее в машине напряжение кажется физически ощутимым. Гнетущая тишина заполняет все пространство. Сейчас около четырех. К несчастью, в послеобеденное время отец часто работает из дома, и мне регулярно приходится оставаться с ним один на один. Мама возвращается не раньше половины шестого. Она адвокат, и ее постоянно заваливают делами. Поэтому неудивительно, что, когда спустя пять минут мы подъезжаем к дому, маминой машины еще нет.

Отец все так же молча вытаскивает ключ из замка зажигания и вылезает из автомобиля. Быстро надеваю рюкзак и выбираюсь следом. От страха у меня подкашиваются ноги. Может, не все потеряно? Еще достаточно рано. Я успею решить уравнение до ужина.

– Папа, я сейчас все сде... – лепечу я, входя в дом, но не успеваю договорить: отец с силой захлопывает за нами дверь.

– Марш наверх, – буравя меня своими зелеными глазами, отрывисто приказывает он и волочет меня по ступенькам за ручку рюкзака. Его шаги слишком широкие, я едва успеваю переставлять ноги и не упасть.

Отец вталкивает меня в комнату и швыряет за стол.

– Даю тебе час, Тайлер! – повысив голос, сообщает он.

Чуть не вывихнув мне руку, отец срывает с меня рюкзак и начинает в нем рыться. Наткнувшись на несколько ручек с изжеванными колпачками, он шипит «Отвратительно!» и кидает их мне в лицо, а затем продолжает обшаривать рюкзак. Найдя наконец листки с заданием, бросает их передо мной. Небрежно уронив рюкзак на пол, отец больно сжимает мое плечо. Его взгляд словно пронзает насквозь.

– Все уравнения должны быть решены правильно! Ясно? Мама очень расстроится, если узнает, что ты халтуришь. Так что давай, не подведи ее.

Его пальцы впиваются мне в кожу. Киваю и торопливо достаю ручку.

Всего час, чтобы заново переписать все домашнее задание? Да ведь это невозможно!

Отец отпускает меня и направляется к двери, по дороге пнув рюкзак.

– El trabajo duro siempre vale la pena², Тайлер, – тихо добав-

² Тяжёлая работа всегда приносит плоды (*исп.*).

ляет он перед тем, как уйти. Отец говорит почти без акцента. Как-никак, бабушка – мексиканка. – No lo olvides³, ладно?

Однако смысл его слов до меня не доходит. Вообще-то отец учит меня испанскому с тех пор, как я начал говорить, и я делаю значительные успехи. Но от страха я ничего не соображаю. Судорожно пытаюсь перевести слова отца с испанского – и не могу. Сердце бешено колотится. Что же он хочет?

Отец явно недоволен, что я так долго молчу. Он кидает выжидательный взгляд через плечо и, видя мою растерянность, снова поворачивается ко мне.

– Ты даже не понял, что я сказал? – Он качает головой, как будто я только что его предал, и, сощурившись, упирает руки в бока. – Ты не понял?!

– No. Lo siento, – извиняюсь я.

Прошептать «прости» – все, что мне остается. Сегодня я уже дважды допустил промах. Теперь уже ничего не исправить.

– Lo siento, – тихо повторяю я.

Даже не знаю, почему до сих пор надеюсь, что отец проявит доброту и сострадание. Я давно убедился, что он лишен и того, и другого.

– Мне что, заново учить тебя основам испанского?! – сжимаю кулаки, рычит отец и выплевывает ругательство. Это дурной знак. – Я сказал тебе по-испански, что усердный труд

³ Не забывай об этом (*исп.*).

всегда приносит плоды. Теперь понял?

Поспешно киваю и утыкаюсь в листки с домашним заданием. Перед глазами все расплывается, руки дрожат. Отец не любит, когда я долго не отвечаю, но я не в силах выдавить из себя ни звука. В горле стоит ком, даже дышать трудно.

Отец вновь хватает меня и, впечатав в стену, начинает трясти. Он что-то кричит, я заставляю себя забытья и думать о чем-то другом. Молча разглядываю трещину на потолке. Постепенно все тело начинает неметь, а голова становится совсем пустой. Отец по-прежнему орет. Каждый вдох дается с трудом. Вот я у стола, а вот уже в другом конце комнаты. Снова у стола... Лежу на полу. Хватка отца делается еще сильнее. Закрываю глаза...

Наши дни

Хотя в комнате работает телевизор, я смотрю в потолок. Лежу на кровати в наушниках, подложив под голову три подушки, и слушаю всякую депрессивную ерунду вроде групп «You Me at Six» и «All Time Low». Никогда не признаюсь, что мне нравятся такие песни, просто они заставляют задуматься. Надо бы собираться к Тиффани – мы договорились встретиться через час, – а я предаюсь размышлениям, от которых вечно портится настроение. Такое происходит, когда я забываю принять антидепрессанты, то есть регулярно. Но сегодня-то я их не забыл! Вдвойне обидно.

Случается, я чересчур забиваю себе голову. Обычно я – хозяин положения. Для всех Тайлер Брюс – крутой парень, и мое поведение должно этому соответствовать. Чаще всего я справляюсь, лишь иногда не выдерживаю и на какое-то время становлюсь собой. Вот как сейчас. В комнате никого, спектакль устраивать не перед кем. Можно сколько угодно лежать в капюшоне и наушниках и гадать, в чем смысл моей дурацкой жизни. Особенно этот вопрос достает по ночам.

Хотел бы я знать, что меня ждет. Однако думать о будущем страшно: вдруг у меня его вообще нет? Я сам все усложняю, потому что слишком заморачиваюсь на том, как пережить день без нервного срыва.

Повернувшись на бок, таращусь в стену. Иногда я по привычке смотрю в пространство. Когда я был маленьким, этот прием помогал забыться; теперь же мне не дают покоя мысли.

Как жаль, что я не такой, каким пытаюсь казаться. Крутого Тайлера Брюса ничто не беспокоит. У него куча друзей, сексапильная подружка, шикарная тачка. Он счастлив. В отличие от жалкого Тайлера, у которого нет ни одного настоящего друга, сексапильной подружке он на фиг сдался, а на шикарную тачку пришлось потратить почти все деньги из трастового фонда. Я слишком переживаю по каждой мелочи, не люблю огорчать маму и не способен определить, кто я на самом деле. Отец искалечил мне душу.

Не уверен даже, существуют ли слова, которыми можно выразить, как я его ненавижу. Эта ненависть, зародившаяся в груди, пустила метастазы по всему телу. Она разъедает меня, разжигает во мне ярость, заставляет срываться на маме и братьях, на Тиффани и друзьях, на учителях и случайных людях, с которыми я даже не знаком. Я не в силах себя контролировать. Я превратился в желчного, злобного типа и уже за одно это никогда не прощу отца.

Он пять лет как в тюрьме. Надеюсь, что ему там плохо. Что он медленно сходит с ума в одиночестве, осознавая: его никто не навещает, он никому не нужен. Что он горько сожалеет о каждом мгновении причиненной мне боли. Отец потерял все – но и я тоже. Интересно, мучает ли его, как меня,

бессонница, когда в голове безостановочно крутятся одни и те же вопросы? Пытается ли отец, как и я, понять, почему стал таким?

Скорее всего, он уверен, что теперь, когда его нет рядом, я живу лучше. Вряд ли он догадывается, что на самом деле легче не стало. То, что он со мной сотворил, исковеркало мое сознание. Как бы я желал, чтобы он понял: заживить душевные раны гораздо труднее, чем заклеить пластырем ссадину, наложить гипс на перелом и подождать, пока пройдут синяки.

Боюсь, что ничего уже не исправить. Что я никогда внутренне не восстановлюсь, не склею разбитую вдребезги судьбу.

Сквозь звуки музыки слышу, что снизу зовет мама. Сажусь на кровати и вытаскиваю один наушник. Мама кричит, что они уезжают в ресторан, на семейный ужин. Видя мое настроение, она не настаивает на моем присутствии, за что я ей очень благодарен. Нужно по крайней мере выйти и попрощаться с ними.

Заставляю себя встать и, как был, в наушниках и капюшоне, не выключая музыки, направляюсь к двери. Выхожу из комнаты и натыкаюсь на Иден. Это первая наша встреча с тех пор, как утром она застучала нас с Тиффани в примерочной. На Иден треники – явно неподходящая одежда для ужина в ресторане.

– Ты что, не идешь? – сощуриваюсь я.

– А ты? – вопросом на вопрос отвечает она.

Значит, не идет. Получается, мы будем торчать дома вдвоем. Вот черт!

Машинально скидываю капюшон и извлекаю из уха наушник. Я так привык на людях строить из себя крутого парня, что преобразование из неудачника в надменного, само-уверенного Тайлера Брюса не составляет ни малейшего труда.

– Я под домашним арестом, – вру я и, кажется, краснею. Нельзя же признаваться, что у меня просто хандра. Потираю висок. – А ты что сочинила?

– Мне нездоровится.

Звучит неубедительно. Иден начинает спускаться по лестнице. Следую за ней.

– Как интересно! Выходит, шляться по «Американ аппарель» под домашним арестом можно? – замечает Иден, пылливо взглянув на меня через плечо.

Да что она себе позволяет? Хорошо еще, голос не повысила и нас никто не услышал. Она еще не знает, с кем связалась!

– Заткнись, а?!

Остальные члены нашей странной, не слишком благополучной семейки дожидаются в коридоре. Джейми и Чейз незаметно толкают друг друга локтями.

– Мы ненадолго. – Мама, принарядившаяся по случаю семейного ужина, с лаской и тревогой смотрит мне в глаза.

Напрасно она волнуется, обычно мое паршивое настрое-

ние длится не больше пары часов.

– Даже не думай улизнуть! – для порядка добавляет мама, подчеркивая, что я до сих пор под домашним арестом. Хотя я все равно никогда ее не слушаюсь.

– Ну что ты, мам! Как можно! – заверяю ее и, прислонясь к стене, складываю руки на груди.

– Пойдемте уже! – ноет Чейз. – Я есть хочу!

– Да, нам пора! – подхватывает Дейв, тоже приодевшийся, и открывает машину. Меня он как будто вообще не замечает. Такое демонстративное поведение чересчур даже для отца. Чейз и Джейми залезают на заднее сиденье, а Дейв с сочувствием поворачивается к дочери. – Иден, лежи, отдохни.

Иден натянуто улыбается. Она явно только притворяется больной.

– Пока, пап. – Иден так откровенно их выпроваживает, что я едва удерживаюсь от смеха. Судя по тому, как она общается с отцом, отношения у них далеко не радужные.

– Ведите себя прилично, – просит мама, хотя всем известно, что ее наставления ничего не изменят.

Они с Дейвом наконец-то выходят, и мы с Иден остаемся одни. В коридоре воцаряется напряженная тишина.

Внимательно разглядываю Иден, стараясь понять, что же она за человек. При первой встрече она казалась скромной и застенчивой, а сегодня огрызается и врет своему отцу. Не такая уж она и тихоня.

Иден поворачивается ко мне и слегка морщится.

– Ну?

– Ну-у-у, – тоненьким голосом передразниваю я.

Поди угадай, чего ждать от этой девушки. Надо бы проверить ее на прочность, а заодно продемонстрировать, кто такой Тайлер Брюс. Точнее, кем он пытается выглядеть...

– Ну? – повторяет Иден.

Приподнимаю руку с часами. Сейчас шесть, а у Тиффани я должен быть в семь. Что ж, пожалуй, приду к ней пораньше, чтобы не сидеть тут с Иден. Нам обоим вдвоем неуютно.

– Я в душ! – сообщаю я и, поскольку Иден стоит как раз между мной и лестницей, бесцеремонно добавляю: – Если, конечно, ты освободишь проход.

Она отступает в сторону, наградив меня взглядом, полным отвращения. Ну и ладно. Решительно протискиваюсь мимо, задев ее плечом, и шагаю вверх, к себе в комнату. По крайней мере, меня отвлекли от размышлений о смысле жизни. Сейчас я думаю о Тиффани: она не дает мне заикливаться на негативе, поэтому мы и вместе.

Какое-то время слоняюсь по комнате и щелкаю пультом от телевизора, а затем, выудив чистую футболку и джинсы, встаю под душ. Представляю себе, как струи воды смывают все дурацкие мысли, которые донимали меня последние часы, и вскоре чувствую себя гораздо лучше. Теперь я готов лицедействовать, готов быть крутым Тайлером Брюсом.

Натягиваю футболку, и в этот момент на лестнице разда-

ются шаги. Замираю и прислушиваюсь, гадая, идет ли Иден в свою комнату или ко мне, поговорить. В глубине души надеюсь на второе: хочется ее поддразнить и посмотреть на реакцию.

– О господи! – раздается чей-то голос, и я понимаю: это не Иден.

Мгновение спустя в мою комнату вваливается красная от смущения Тиффани и захлопывает за собой дверь.

– Я подумала, ты тут с другой девушкой! – восклицает она, всплеснув руками.

– Что?

Растерянно моргаю. Насколько я помню, мы договаривались встретиться у нее. Так почему же она здесь?

– Твоя чертова сводная сестрица свалилась на нас, как снег на голову. У меня из-за нее чуть сердечный приступ не случился! – поясняет Тиффани, качая головой, и ее волосы, забранные в высокий хвост, мотаются из стороны в сторону. – Честно говоря, я уже готова была тебя убить!

Твердо прерываю ее:

– Тиффани, успокойся.

Подойдя ближе, кладу ладони ей на плечи и смотрю в глаза. Все еще тяжело дыша, Тиффани кивает и, наклонив голову вбок, окидывает меня оценивающим взглядом.

– Ты ведь не можешь так со мной поступить, правда? Иначе я тебе такое устрою!

Конечно, нет. Если не считать того, что вчера произошло

между мной и Наоми. Впрочем, я к тому времени напился, так что это не в счет. И пару месяцев назад, когда мы с Элли Джонс целовались, я тоже был пьян. Еще вроде бы у нас что-то было с Морган Янг, точно не помню. Если я и посматриваю на других девушек, то исключительно под воздействием алкоголя. И все же страшно представить, что будет, если Тиффани об этом узнает. Однажды она наврала учителю, что я списал у нее сочинение по литературе, и меня на несколько дней отстранили от уроков. И все это только за то, что я забыл про ее день рождения: Тиффани ждала, что я буду носиться с ним, как с писаной торбой. А еще Тиффани донесла маме, что я курю марихуану – опять-таки из-за этого гребаного дня рождения!

Скупно улыбаюсь Тиффани. Вряд ли ей кто-нибудь расскажет о моих похождениях с другими девушками.

– Ты что, думаешь, я тебя брошу? Никогда!

Боже мой, сам себя ненавижу. Я не осмеливаюсь признаться Тиффани, что мне хорошо с ней только в постели, я использую ее, чтобы отвлечься, а по большому счету мне на нее наплевать. Жалкий неудачник, я цепляюсь за наши дерьмовые отношения, чтобы всех вокруг убедить: у меня все прекрасно, я полностью доволен жизнью.

Перейдя в старшие классы, я решил, что никому больше не покажу свою слабость. Пусть меня уважают. А встречаться с самой классной девушкой в школе – верный способ обеспечить себе нужную репутацию.

Приобняв Тиффани за плечи, веду ее к выходу. Она сбрасывает мою руку и, как обычно, резко заявляет:

– Между прочим, я тебя совсем заждалась! Почему ты так долго?

Ну вот, Тиффани в своем репертуаре.

– Остынь! – Вслед за ней спускаюсь по ступенькам и, пользуясь тем, что она меня не видит, закатываю глаза. – Я собирался к тебе через час, как ты и просила.

– А что, на звонок нельзя было ответить? Я же говорила: всегда бери трубку, чтобы я знала, где ты.

– Да не слышал я! Музыка орала.

Это ложь: просто неохота было ни с кем разговаривать, а тем более – с Тиффани. Она, конечно, этого не поймет, потому что, как и все остальные, понятия не имеет, какой я на самом деле.

В коридоре Тиффани останавливается и поворачивается ко мне – наверное, чтобы поругаться из-за чего-нибудь еще. И тут я замечаю Иден. Она сидит на диване в гостиной и наблюдает за нами.

– А тебе какого черта надо?

– Фи, как грубо, – невозмутимо отзывается Иден.

– Тайлер, замолчи! – Тиффани неодобрительно качает головой. Можно подумать, она на стороне Иден!

– Да пожалуйста! – Я снова поворачиваюсь к Тиффани. Она сегодня будто специально нарывается, но наверняка не станет нарушать наши планы. – Пошли отсюда.

– Подожди... – задумчиво тянет Тиффани и чуть выпячивает нижнюю губу – верный признак того, что она хочет меня позлить.

Тиффани заходит в гостиную и намеренно становится прямо между Иден и телевизором.

– Что опять? – вздыхаю я.

Иден явно задается тем же вопросом. Она не умеет скрывать свои мысли, у нее все на лице написано.

– Есть идея! – интригуяще объявляет Тиффани. Заглядываю в гостиную. Тиффани поочередно смотрит на Иден и на меня. Это настораживает. – У Остина намечилась вечеринка, так что мы идем туда. Иден, ты с нами. Тебя ведь Иден зовут? Хотя ты не похожа на любительницу ночных развлечений, но Рейчел просила захватить тебя с собой. Идем.

– Нет, погоди, – возражаю я.

Что за черт! Еще одна вечеринка? Я и после вчерашней-то не отошел. Опять переться на очередную пьянку, хотеть над плоскими шуточками, пританцовывать под идиотскую музыку и неумеренно пить, потому что этого все от меня ждут. А ведь это дается нелегко. Сейчас бы отдохнуть, побыть наедине с Тиффани, позволить ей отвлечь меня от грустных мыслей... Шагнув к Тиффани, кладу руку ей на бедро и шепчу на ушко:

– Я думал, мы поедем к тебе. Только ты и я...

– Оставим это на потом, – отмахивается Тиффани и, громко хлопнув в ладоши, кивает Иден, с которой познакоми-

лась-то всего несколько часов назад. – Итак, решено! Иден, ты идешь со мной. Ты, Тайлер, тоже. И уж постарайся хоть раз не надраться.

С какой стати она постоянно мной командует? Как я переживу вечеринку, если мне запрещается спасаться алкоголем?!

– Какого черта?!

Тиффани уже нетерпеливо достает ключи от машины, не оставляя нам времени на сборы.

– Рейчел и Меган у меня, чистят перышки. Так что поторапливайтесь.

– Подожди! – окликает ее Иден, встав с дивана. Она явно нервничает и не горит желанием ехать, но и не отказывается. Я согласен с Тиффани: вряд ли Иден любит подобные сборища. Хотя она не перестает меня удивлять. – Мне надо одеться! Всего пять минут.

Тиффани смеется и смотрит на нее с жалостью.

– Возьмешь что-нибудь у меня. – Схватив Иден за руку, Тиффани тянет ее за собой. – Ну, давайте! До вечеринки всего два часа. – Она отпускает Иден и, поигрывая ключами, с высоко поднятой головой выходит из дома.

Я покорно следую за ней.

– Ты вроде бы наказан, – негромко произносит Иден.

Развернувшись, окидываю ее изучающим взглядом. Кто она вообще такая? Насколько мне известно, приехала погостить на лето. Предположительно, из Портленда. По край-

ней мере, Дейв оттуда. И она, очевидно, пока не знает, кто я, поэтому и устраивает мне проверки, сознательно или неосознанно. Наблюдает за мной, огрызается и все ставит под сомнение. А еще врет отчиму.

Иден, не смущаясь, смотрит на меня своими красивыми светло-кариими глазами. Ухмыляюсь в ответ. Честно говоря, я впечатлен. Немногие способны так долго играть со мной в гляделки. Обычно их хватает не больше, чем на пару секунд.

– А тебе вроде бы нездоровится.

Мы садимся в машину. Всю дорогу Иден молчит. Я нарочно максимально сдвинул кресло назад, чтобы проверить, возмутится она или нет. Не возмутилась. Жалко, мне хотелось услышать, как звучит ее голос, когда она злится. Но Иден сидит тихо, отвернувшись к окну. Выглядит встревоженной.

Тиффани, напротив, трещит без умолку, потчует нас свежими сплетнями. Делаю вид, что внимательно слушаю, и даже время от времени для убедительности вставляю: «Да ты что?» В действительности же все мои мысли о предстоящем вечере. Перспектива совсем не радует. По-моему, такие развлечения – полный отстой, разве что помогают забыться, отвлечься от размышлений о моей исковерканной жизни.

Я веду машину на огромной скорости, и вскоре мы подъезжаем к дому Тиффани. Рядом уже припаркованы автомобили Рейчел и Меган. Несложно представить, что меня ожидает: следующие пару часов я проведу, наливая девушкам

напитки, а в ушах будет звенеть от хихиканья и вопросов, что я думаю об их нарядах.

Мы заходим в коридор. Иден плетется позади всех и, судя по всему, чувствует себя не в своей тарелке.

– Надеюсь, твоей матери еще нет? – оглядываясь, уточняю у Тиффани.

Джилл не одобрила бы мое появление. К тому же она вечно портит всем настроение.

– Нет, – успокаивает Тиффани. – Пиво в холодильнике. Расслабляйся, пока мы собираемся. Только не переусердствуй, – предостерегающе добавляет она.

Я ее прекрасно понимаю: вчера ей пришлось за меня краснеть.

Тиффани хватает Иден за руку и по высокой мраморной лестнице, на которой я много раз спотыкался во время пьянок, тащит на второй этаж. Там уже вовсю грохочет музыка. Преодолев половину ступенек, Тиффани задерживается, чтобы крикнуть:

– Мы скоро!

Иден выглядит перепуганной, как будто ее волокут прямиком в ад, где заправляет Тиффани. Бедняга! Сколько она у нас гостит? Всего сутки? Не знаю, какие вечеринки в Портленде, но уверен: до наших им далеко. Иден и не подозревает, во что ввязалась. Что-то мне подсказывает, что завтра она об этом пожалеет.

Взъерошив волосы, направляюсь в кухню. Там уже припа-

сена выпивка, которую мы возьмем с собой. Достāju бутылку пива и заставляю себя сделать глоток. Никакого удовольствия это не приносит: вчера я залил в себя столько алкоголя, что на все лето хватит. Переместившись в гостиную, ложусь на диван и начинаю щелкать пультом, переключая на огромном телевизоре спортивные каналы в поисках чего-нибудь интересного. Рядом стоит упаковка пива, чтобы удобно было взять еще одну бутылку. И еще одну. И еще. Тиффани просила не переусердствовать? Я бы с радостью, только не такой человек Тайлер Брюс.

Постепенно меня клонит в сон. Поэтому вздрагиваю от неожиданности, когда раздается голос:

– Мы почти готовы.

Принимаю вертикальное положение и вижу в дверях Рейчел со стаканчиком виски.

– Вчера ты еле на ногах стоял.

– Да. Спасибо, что напомнила. – Закатываю глаза и намеренно отпиваю побольше пива, желая показать: мне плевать на ее мнение.

– Я ничего такого не имела в виду, – бормочет Рейчел, заходя в гостиную. Бросает обеспокоенный взгляд на упаковку пива, затем снова на меня. – Вовсе не обязательно пить так много.

– На себя посмотри. – Киваю на стакан в ее руке и отворачиваюсь. Как же эта Рейчел достала... Вечно осуждающе качает головой и критикует любые мои поступки. Какого хрена

все вокруг пытаются мной командовать?!

– Это другое. – Приблизившись, Рейчел встает напротив меня, загородив весь обзор. Нет никакого желания ее слушать, а приходится. – Я быстро пьянею, потому что хрупкая и стройная. А ты – потому что хочешь напиться.

Сохраняю на лице невозмутимое выражение.

– Все сказала?

– Еще нет. – Рейчел садится рядом на диван, положив ногу на ногу. – Я просто объясняю твоему самомнению, – при этих словах она стучит пальцем мне по лбу, – что быть крутым – не значит бухать как свинья. Если будешь знать меру, никто тебя не осудит. – Нахмурившись, она пересчитывает пустые бутылки на полу. – На сегодня тебе уже достаточно.

– Рейчел, отстань.

Подталкиваю ее, чтобы она поскорее ушла. Рейчел отпивает еще виски и молча уходит. Надеюсь, она уже закончила «творить добро». Прислушиваюсь к звуку ее шагов, пока он не стихает, и вновь принимаюсь за пиво.

Валяюсь на диване еще минут тридцать. За это время успеваю отослать сообщения Дину и Джейку, чтобы узнать, на месте они уже или нет. Наконец мое терпение ломается. Два часа жду, пока эти красавицы соберутся!

Прикончив седьмую бутылку пива, встаю на ноги. Голова слегка кружится, но я заставляю себя пройти к лестнице. Если эти копуши еще не готовы, то пошли они куда подальше! Поеду без них.

Заглядываю в комнату Тиффани. Здесь душно, пахнет палеными волосами и парфюмом. Гремит музыка. К счастью, все наряжены, причесаны и накрашены.

– Ну сколько можно копаться? Поехали! – Прислоняюсь к дверному косяку и замечаю, что из ванной выходит Иден.

Что-то в ней изменилось. Она стала похожа... на них: Тиффани, Рейчел и Меган. На девушку, которая из кожи вон лезет, только бы впечатлить окружающих. На Иден знакомое черное платье – я помню, как месяц назад срывал его с Тиффани. Оно чересчур узкое и коротенькое. Пытаюсь не смотреть на Иден, хотя хочется получше разглядеть ее. Странно. Она ведь моя сводная сестра, как бы непривычно это ни звучало.

– Дин с Джейком уже там, – торопливо добавляю я, отводя глаза.

– Как я тебе? – спрашивает Тиффани и, по обыкновению, начинает крутиться, демонстрируя наряд.

Она одета броско, чересчур откровенно и безвкусно. Платье слишком обтягивающее. Как она в нем дышит?

– Детка, ты великолепна, – вру я. Именно это Тиффани хочет услышать. Допив пиво, ставлю пустую бутылку на комод и подхожу к Тиффани. Иден наблюдает за мной, поэтому я хватаю Тиффани за талию. – Слюнки текут...

Не колеблясь, целую ее взасос. Если Тиффани что-то и любит больше собственной персоны, то это – поцелуи на публику. Но я так поступил не ради ее удовольствия. Просто

хочу показать Иден Тайлера Брюса во всей красе, чтобы она убедилась: я скотина. Гад. Сволочь.

Пятью годами ранее

Каждую пятницу мы всей семьей отправляемся болеть за «Доджерс» – наш любимый бейсбольный клуб. Сначала мы ходили вдвоем с отцом, потом достаточно подросли Джейми и Чейз, а чуть погодя и мама стала возвращаться с работы пораньше, чтобы составить нам компанию. Так что мы, Грейсоны, не пропускаем ни одной игры.

Сегодня «Доджерс» состязается с клубом Аризоны «Даймондбэкс». Вечереет. Мы сидим на стадионе, среди шумной толпы зрителей. Над нами грохочет голос комментатора. Матч только начался, и пустые места на трибунах продолжают заполняться припозднившимися болельщиками.

Я примостился на краешке сиденья, зажав руки коленями. Сейчас мяч у команды «Даймондбэкс» – это не так интересно. Оборачиваюсь к Джейми. Он полностью поглощен матчем. Сидит, подавшись вперед, и во все глаза следит за игроками. Наклонившись, перевожу взгляд на Чейза. С нашего верхнего ряда, из-за маленького роста ему не видно, что происходит на поле. Поэтому Чейз, привстав, наблюдает за трансляцией игры на большом экране. На младшем брате – огромная кепка с символикой клуба Лос-Анджелеса, которая постоянно сползает и загораживает ему обзор. Такая же кепка и на маме.

Мама положила голову отцу на плечо, он ее обнимает. Они тихо разговаривают и смеются. Смотрят не на поле, а друг на друга. Люблю, когда они радуются. Им хорошо вместе.

– Ох, Чейз! – Мама со смехом притягивает Чейза к себе и поворачивает его кепку козырьком назад. – Думаю, по дороге домой папа должен купить тебе размерчик поменьше.

– Правильно, дружок. – Отец широко улыбается Чейзу, и они в знак согласия соприкасаются кулаками. Затем он смотрит на нас с Джейми, и его улыбка делается еще радушнее. – Ребята, не хотите перекусить?

Джейми отвлекается от происходящего на поле и с удивлением напоминает:

– Игра ведь только началась.

Обычно мы ждем, чтобы настал черед клуба «Доджерс» бить по мячу, и лишь когда мяч снова переходит к другой команде, идем за хот-догами. Это тоже традиция.

– Тут такие очереди, что я только к середине игры и успею. – Мама подхватывает сумочку и поднимается на ноги. – Я пойду.

Отец целует ее, и она начинает пробираться к выходу.

– Тайлер! Помоги матери, – приказывает отец.

Торопливо вскакиваю, протискиваюсь мимо Джейми и Чейза и буквально перелезаю через отца. Он внимательно смотрит на меня, чуть приподняв уголки губ. По пятницам отец обычно пребывает в хорошем расположении духа, и се-

годняшний день – не исключение. Неловко спускаюсь с трибуны и бегу за мамой.

Палатки с хот-догами, напитками и сувенирами попадаются повсюду, и у каждой толпится народ. Догоняю маму. При виде меня в ее глазах мелькает удивление:

– Ой, Тайлер! Ты же пропустишь матч!

Пожимаю плечами.

– Ничего страшного. Папа просил тебе помочь. Тем более мяч все равно пока у «Даймондбэкс».

Боюсь даже вообразить, каким бы взглядом меня наградил отец, если бы я отказался пойти и занял, что хочу посмотреть игру. Конечно, сегодня он выглядит довольным и благодушным, но не стоит рисковать. Обычно у отца очень быстро портится настроение. По крайней мере, когда я рядом.

Мама шутливо морщит лоб.

– Хм-м-м... Ты просто ангельский ребенок! Кто же тебя таким воспитал?

Она весело улыбается, а синие глаза так и сияют. Ну почему я на нее не похож?

– Ты. – Натянута улыбаюсь в ответ.

На самом деле отец принимает активное участие в моем воспитании. Я не ангельский ребенок, просто он не позволяет мне плохо себя вести, а я боюсь его рассердить. Именно поэтому всегда слежу за манерами, стараюсь хорошо учиться и вообще быть тише воды ниже травы. Хотя иногда отцу

и этого недостаточно.

Мама снова смеется и, потрепав меня по голове, обнимает за плечи. Очередь медленно продвигается вперед.

– С кетчупом и без горчицы, правильно?

Киваю. Мама принимается разглядывать прилавок, а я смотрю на нее, на ее спокойное лицо, и пытаюсь понять, поверит ли она мне. Я бы рассказал маме об отце, о том, на что он способен и как я его боюсь, однако не представляю, как это сделать. Мне страшно. Мама любит отца. Возможно, если я открою ей правду, она его разлюбит. А вдруг не его, а меня? Отец никогда не простит, если я разрушу их отношения. А мама... конечно, она могла бы мне помочь, защитить от отца. Но не хочу ее огорчать. Я так люблю, когда родители радуются и улыбаются. Оба. Не знаю, что произойдет, если правда всплывет наружу. Поэтому продолжаю молчать.

– Держи. Это для папы. – Мама протягивает мне запотевшую банку пива.

Оказывается, мы уже стоим у прилавка, и мама расплачивается за покупки. Растерянно моргаю. Опять так задумался, что выпал из реальности? Нужно избавляться от этой привычки...

Из-за банки рука совсем замерзла. Перекладываю в другую. Отец всегда пьет пиво в пятницу и на выходных, утверждая, что имеет право отдохнуть после рабочей недели.

– Ну, пошли. – Мама берет поднос с хот-догами и направляется обратно.

Пробираюсь за ней через толпу. Банка неприятно холодит ладонь. Народу слишком много, все куда-то торопятся, и я за мамой не поспеваю. Стараясь не упустить ее из виду, бегу все быстрее и вдруг спотыкаюсь и лечу прямо на асфальт. Машинально вытягиваю перед собой руки. От удара пиво выливается из банки. Все происходит так быстро, что я осознаю случившееся только мгновение спустя, ощутив жжение в коленях.

– Тайлер! – Охнув, мама возвращается назад. – Ты ушибся? Ой, да у тебя кровь. Я вроде захватила пластыри...

Прижав поднос к бедру, она помогает мне подняться. Сердце бешено колотится. Все кругом смотрят на меня. Вижу, что разбил оба колена. Неприятно, но ничего страшного. Внизу растекается лужица пива. Дрожащей рукой поднимаю банку. Отцу это не понравится. Меня охватывает паника.

– Пиво... папино пиво... – бормочу я.

Меня трясет. Отец сегодня был добрый. Он улыбался. А я, как всегда, все испортил.

– Тайлер, ну что ты? – Встревоженно склонившись надо мной, мама пытается меня успокоить. – Все хорошо. Я куплю папе еще.

Она выбрасывает банку в ближайшую урну и поддерживает меня. От страха мутит, я с трудом сдерживаю рвоту. Не хочу к отцу. Не хочу, чтобы он опять злился, гневно щурился и скрипел зубами.

Мы идем по трибуне. Боль в коленях не утихает. Шмыг-

нув мимо отца, усаживаюсь на свое место. Теперь нас разделяют Джейми, Чейз и мама. Значит, хотя бы сейчас я в безопасности. Отец недовольно сдвигает брови.

– А где мое пиво?

– Тайлер споткнулся, и банка пролилась, – объясняет мама. – Я тебе потом принесу другую. А пока поешь хот-доги. – Она передает отцу поднос и, раскрыв сумочку, принимается искать пластыри.

Отец медленно поворачивается ко мне, взглядом приговояя меня к сиденью. На его лице играют желваки. Испуганно замираю.

– Когда ты стал таким неуклюжим? – сердито спрашивает он.

Не нахожу, что ответить. Просто я часто погружаюсь в себя: противоречивые мысли раздрают меня на части.

Мама, перегнувшись через Джейми и Чейза, протягивает мне пластыри и сочувственно, тепло улыбается. Даже не глядя в сторону отца, чувствую, как от него волнами исходит ярость.

Торопливо заклеиваю разбитые колени. За последние несколько лет я почти сроднился с пластырями. Жаль, они помогают заживить лишь ссадины – но не душевные раны.

Наши дни

Темнеет. В старой раздолбанной «Королле» Меган мы медленно катим к дому Остина. Я зажат между Тиффани и Иден. Рейчел устроилась на переднем сиденье – выбирает подходящую музыку и сплетничает с Тиффани. Они активно сплетничают, пытаются угадать, кто еще будет на вечеринке. Я их, как обычно, не слушаю: нет сил. Так и хочется взять еще баночку пива из лежащей у меня на коленях упаковки, чтобы легче пережить дорогу.

Не желая поддаваться соблазну, складываю руки на груди и, уставившись на ручной тормоз, думаю об Иден. Она сидит справа и, кажется, незаметно за мной наблюдает... Да, так и есть: мельком смотрю на нее, и на долю секунды наши взгляды встречаются. Иден отворачивается к окну. Как странно, что она моя сводная сестра... Да и сама она, по всей видимости, еще не привыкла к наличию братца. Мы оба пытаемся друг друга лучше узнать и понять, но лично у меня пока ничего не получается. Продолжаю исподволь ее разглядывать. Темные волосы обрамляют лицо, ниспадают на спину и на плечи. Ее макияж сегодня очень яркий: губы в красной помаде, веки выкрашены в серый, как дым, цвет. Когда Иден моргает, ее густые ресницы кажутся еще длиннее. Я совсем недолго с ней знаком, но догадываюсь: на самом деле она не

такая.

Видимо, что-то почувствовав, Иден оборачивается на меня; я едва успеваю отвести глаза. Это повторяется несколько раз. В какой-то момент мне становится неловко, что я на нее пялюсь, и я отворачиваюсь к дороге. Все это время молчу, даже когда Тиффани прижимается ко мне и поглаживает меня по бедру.

Наконец Меган подъезжает к нужному дому. Обычно я даже не замечаю Остина, хотя он-то, конечно, очень ждет нашего приезда. Еще рано, нет и половины девятого, а веселье уже началось. На лужайке собралась целая толпа.

Как только Меган паркуется рядом с машинами других гостей и глушит мотор, хватаю упаковку пива и, вслед за Тиффани выбравшись из «Короллы», разминаю затекшие ноги. Из дома выплескивается музыка, и я с трудом сдерживаю стон. Неужели придется снова проходить через все это: нескончаемое пьянство, шум, духоту...

– Тайлер, привет! – слышится радостный крик, и ко мне навстречу спешит Остин собственной персоной, на ходу размахивая зажатой в руке банкой пива. Пора начинать притворяться.

Остин невысокого роста, но его обаятельная улыбка с лихвой компенсирует этот недостаток. В знак приветствия мы соприкасаемся кулаками.

– Рад, что тебе удалось выбраться, – произносит он.

– Да уж! – Ну, разумеется. Уверен, появлению Тиффани

он рад не меньше. Мы – завсегдатаи крутых вечеринок, и наш приезд повышает статус хозяина дома. Киваю на упаковку пива. Не терпится взять оттуда банку. – На кухню?

Остин улыбается.

– Угу! Бросай пивасик на стол и давай к нам.

Направляюсь к входу, небрежно здороваясь с другими гостями, и через плечо кидаю взгляд на девушек.

Тиффани говорит что-то Остину, Меган пытается запихнуть в крошечную сумочку ключи от машины, а Рейчел вертит в руках бутылку водки. Трудно понять, как Иден относится к происходящему, и все-таки я замечаю на ее лице тревогу и настороженность. Наверняка она еще пожалеет, что приехала.

Покачав головой, захожу в дом. Надо же, всего пару часов назад я сидел у себя в комнате и размышлял о жизни. А сейчас я здесь, на очередной вечеринке, слегка окосевший, опять играю свою привычную роль.

В кухне весь стол уставлен выпивкой, а пол заляпан пятнами от пролитых напитков. Случайно наступаю на рюмку водки, которую кто-то поставил мне прямо под ноги, и ботинком раздраженно отпихиваю в сторону осколки.

– А я тебя ждал. – Передо мной появляется Кaleb. Глаза у него покрасневшие, а улыбка спокойная и ленивая. Он опять под кайфом. – Остин не против, чтобы мы занимались нашим делом. Только просил никому не мозолить глаза, так что все наши на заднем дворе, в гребаном сарае.

Сотрясаясь от безудержного хохота, Калеб раскрывает створки первого попавшегося шкафчика и, достав пачку печенья, запихивает одно из них в рот. Зажмурившись, с наслаждением бормочет:

– Офигенно! – Затем Калеб снова открывает глаза и с трудом фокусирует на мне взгляд. – Ну что, ты с нами? Дурь сегодня убойная, отвечаю! Только посмотри на меня! Я в астрале!

Возможно, мне и впрямь не мешало бы сейчас расслабиться, отделаться от неприятных мыслей. Пары затяжек вполне должно хватить.

– Я с вами.

Калеб, не выпуская из рук печенья, отправляется на задний двор. Кажется, он очень доволен, что удастся стрясти денег за дозу. Следую за ним, прихлебывая пиво.

Прямо у выхода кто-то хватает меня за плечо. Останавливаюсь и вижу Джейка.

– А, Тайлер, приехал все-таки. Где девчонки?

– Где-то здесь, – коротко отвечаю я.

Я сюда пришел, чтобы выкурить косяк, а не чтобы с Джейком лясы точить. Он мне вообще не нравится. Пытаюсь выйти из дома, но Джейк оттаскивает меня от двери.

– Ты куда? – спрашивает он, приподняв бровь и поглядывая на Калеба. Тот, не доходя до сарая, поворачивается и возвращается ко мне. Судя по всему, Джейк и так знает ответ.

– А сам-то как думаешь? – огрызаюсь я, стряхивая его руку.

Почему мои приятели никак не оставят меня в покое?! Сначала Рейчел читала мне нотации, теперь Джейк задает дурацкие вопросы. Как будто он не в курсе, что я курю.

– Ну и топай, придурок, – бормочет Джейк и наконец уходит.

Направляюсь к притулившемуся у забора сараю, где расположились наркоманы. Оттуда доносится громкий смех. В воздухе витает дурманящий запах марихуаны. Калевб распаивает дверь, и я замечаю за его спиной Клейтона и Мейсона из нашей школы. Мы и раньше курили вместе.

– А, явился! Давно пора, – приветствует Мейсон.

Он сидит на стуле в углу, с дымящимся окурком в руках, положив ноги на газонокосилку. Вид у него потрепанный. Сразу ясно, что Мейсон под кайфом. Как и все остальные.

– Ага. – Достаяю из кошелька пятнадцать долларов и отдаю Калевбу. Вообще-то я предпочитаю покупать дозы напрямую у Деклана, но в последнее время он залег на дно. – Продашь пару косяков?

– О боже, – тянет Клейтон, прислонившись к стене, и выдыхает облако дыма, которое быстро распространяется по тесному помещению. – Какое блаженство!

Порывшись в карманах, Калевб протягивает мне две самокрутки.

– Специально для тебя приготовил, – с гордостью сообщаю.

ет он. – Так и знал, что ты сегодня в игре.

Забираю у него косяки и разглядываю их. Эх, была не была!

– Давай зажигалку, – приказываю Калебу.

Тот услужливо поджигает одну из самокруток и в ожидании моего одобрения внимательно наблюдает, как я затягиваюсь.

Дым наполняет легкие, и я чувствую облегчение. Как хорошо... Я ведь не кайфовал целую неделю. На несколько секунд задерживаю дым в себе и наконец выдыхаю. Ну вот, совсем другое дело! Напряжение отступает. Конечно, одной затяжки недостаточно, надо покурить по крайней мере минут пять, но мне уже лучше.

– Эй, где ты, черт побери, достал печенье? – Мейсон вскакивает на ноги и тычет в Калеба окурком.

Клейтон открывает глаза.

– Стырил из кухни. Хавчик, – объясняет Калев, и все трое заходятся хохотом.

Травка еще толком не успела подействовать, поэтому я не смеюсь, а только улыбаюсь.

Прислоняюсь к стене и, закрыв глаза, глубоко затягиваюсь. Нужно расслабиться.

– Кстати, Деклан заходил, – подталкивая меня локтем, бормочет Калев.

Поворачиваюсь к нему. Он кивком указывает на столик, рядом с которым ошивается Клейтон. Там ровными аккурат-

ными рядами насыпан кокаин. С минуту потрясенно таращусь на него.

– Ого! – Медленно качаю головой. Соблазнительно, однако пока обойдусь. Вообще-то я частенько принимаю кокаин, но только в те дни, когда совсем тошно от собственной жизни и невозможно больше терпеть. По кривой дорожке лучше двигаться с осторожностью. – Не сегодня.

– Ну-у, какой отсто-ой... – Мейсон корчит недовольную мину. – А мы тебя ждали.

– Нам больше достанется, – шутит Клейтон, и все опять хохочут.

Видно, что они совсем обкурились. Когда уже я буду под кайфом и тоже смогу беззаботно поржать? Снова затягиваюсь и не выдыхаю дым как можно дольше, пока внутри не начинает нестерпимо жечь.

Я уже собираюсь провалиться в сладкое забытие, когда дверь распахивается.

В сарае стоит такой густой дым, что я не сразу понимаю, кто пришел.

Вот дерьмо! Иден! Закашлявшись, она зажимает рот рукой и отступает назад.

– Это марихуана?

– Нет, сахарная вата, – острит Мейсон, и Калев с Клейтоном с готовностью сгибаются от хохота, как будто уморительней шутки никогда не слышали.

Я опять не принимаю участие в общем веселье – теперь

из-за нарастающей паники.

Конечно, я хотел показать Иден, кто такой Тайлер Брюс. Только нельзя, чтобы она узнала о наркотиках. Ведь она живет со мной в одном доме и может обо всем рассказать маме! Торопливо прячу руку с зажженным косяком за спину, в надежде, что Иден его не заметит.

Иден широко распахивает глаза.

– Ты серьезно?

Судя по всему, я опоздал: она уже успела увидеть самокрутку.

– Братан, гони эту цыпу отсюда на фиг, если, конечно, она не желает составить нам компанию, – бурчит Клейтон, махнув косяком.

Не обращаю на него внимания и продолжаю смотреть на Иден. Ее взгляд полон гадливости и отвращения.

– Старина, – начинаю я, предупреждая хмурясь. Мысленно убеждаю себя: спокойно, ты же Тайлер Брюс, тебе на все плевать. – Ну что ты прицепился к малолетке?

Мейсон в углу начинает задыхаться от кашля. Клейтон и Калёб хихикают. А мне не до смеха. По спине бежит холодок. Понятия не имею, как буду выкручиваться.

– Это вообще кто такая нарисовалась? – наконец спрашивает Клейтон.

Ну уж на этот вопрос я отвечать не стану. Представляю, как они разойдутся, если узнают, что Иден – моя сводная сестра.

– Ей что, правила никто не объяснил? – Клейтон переводит взгляд на Иден и сально улыбается. – Не надо нас отвлекать, крошка! Вали отсюда!.. Или оторвешься с нами? – Шагнув вперед, он протягивает Иден свой окурок, как будто всерьез рассчитывает, что она его примет.

Встаю между ними, загородив собой Иден.

– Клейтон, какого черта? – Под шумок тушу собственную самокрутку и убираю ее в карман – на потом. Сердито прищурившись, продолжаю: – Прекрати! Совсем с башкой поспорился?

– А че не так? – Клейтон снова глубоко затягивается, хотя ему явно уже хватит. – Не угостить даму – плохие манеры. – Он подмигивает Иден. – Я прав, детка?

– Братан, ты что, не понял? – рычу я. Мне не нравится, как Клейтон разговаривает с Иден. – Ей это не надо. Дошло?

На лице Иден отражаются брезгливость и омерзение, и мое сердце болезненно сжимается. Меня многие недолюбливают, но Иден – другое дело. На мгновение почему-то чувствую, что сам в себе разочарован. Появляется ощущение легкости, перед глазами все плывет. Наверное, наркота берет свое.

– Ладно, проехали, – уступает Клейтон. – Тогда гони ее вшаей. Какого фига она здесь околачивается?

– Самому интересно, – бормочу я.

Иден осуждающе качает головой. Нужно увести ее отсюда, подальше от этих придурков и от самого себя.

Идя к ней, случайно задеваю столик. Глухой удар привлекает внимание Иден. Она упирается взглядом в разложенный кокаин и приоткрывает рот от изумления и ужаса.

Всеобщее молчание длится целую вечность. Или мне просто так кажется? Вот дерьмо! Сейчас не время быть под кайфом. Чтобы как-то выйти из положения, я должен мыслить трезво. Иден не дура. Вряд ли она решила, что это сахар.

– О господи! – побледнев, шепчет Иден.

– Братан, кроме шуток, – подает голос Клейтон. – Гони ее отсюда, пока она не позвала копов или еще что-нибудь не натворила.

– Да-да, она уже сваливает.

Я и сам жду не дождусь, чтобы Иден поскорее ушла. Хватаю ее за локоть и тащу прочь, на безопасное расстояние от сарая. По ощущению, путь занимает около получаса. В действительности же наверняка проходит секунд двадцать.

Иден стряхивает мою руку и шипит:

– Ты офигел? Мне не померещилось, Тайлер? Это кокаин?

Впервые она своим низким голосом назвала меня по имени. Наверное, по вине марихуаны это обращение прозвучало музыкой. Хочется, чтобы она произносила мое имя снова и снова.

Я молчу. Как же объяснить Иден, почему я принимаю наркотики, не упоминая причину, из-за которой вся моя жизнь пошла под откос? Застонав, закрываю лицо ладонями.

– Тебе здесь не место. – Убираю руки в карманы и наты-

каюсь на две самокрутки. Эх, сейчас бы закурить... – Возвращайся в дом.

Иден продолжает смотреть на меня в упор, рот полуоткрыт. Похоже, она вне себя. Только непонятно, почему. Мы совсем чужие люди, и ей должно быть безразлично, что со мной происходит. Однако это явно не так. Неужели она все доложит маме? Ужасно... Мама и так не в восторге, что я курю травку. Хорошо еще, она понятия не имеет, как часто я покупаю косяки. А о моем пристрастии к кокаину мама даже не подозревает. Правда, вряд ли мне удастся долго от нее это скрывать.

Еще минут двадцать – по моим искаженным из-за марихуаны ощущениям – иду обратно. Калерб и его клиенты с любопытством глядят на меня. Признаваться, кто такая Иден, нельзя. Поэтому, войдя в сарай, снова надеваю маску крутого парня.

– Все, от этой лохушки избавились.

Очередной взрыв хохота сотрясает помещение, и я смеюсь вместе со всеми. Тут меня окликают Дин:

– Дружище, пойдем отсюда. Совсем докатился! Пора с этим завязывать.

Оборачиваюсь к приятелю. Дин стоит неподалеку от нас, неодобрительно покачивая головой. Он трезв как стеклышко, что неудивительно: он вообще такой. Дин всегда держит себя в руках и заботится об окружающих. Он хороший, поэтому у него так много друзей. Я имею в виду, настоящих.

– Отвали, а? – бормочу я.

Дин вздыхает и спешит за Иден. Интересно, они вообще знакомы? Иден и Дин останавливаются и говорят о чем-то – не могу разобрать, о чем. Такое впечатление, что их беседа длится целый час. Нахмурившись, наблюдаю за ними.

– Держи! – Калевб кидает мне зажигалку.

Ловко подхватываю ее и, вытащив из кармана косяк, закуриваю. Собираюсь снова затянуться и вдруг замечаю, что Иден с отвращением смотрит на меня через плечо. Ну какое ей до меня дело? Почему нельзя просто пожать плечами и уйти? Мы едва знакомы, и я не представляю, чего можно от Иден ожидать. Вдруг она настучит маме? Тогда меня попросту вышвырнут из дома.

Клейтон что-то бубнит и сует мне в руки банку пива. Я до сих пор чувствую на себе взгляд Иден, поэтому отхожу подальше от двери, вглубь сарая, где меня не видно.

Калевб и его корешки снова над чем-то ржут. Меня волнует другое. Конечно, я обещал Тиффани этого не делать... Да черт с ней! Тайлер Брюс поступает так, как ему вздумается!

Толкаю в бок Калеба, чтобы привлечь его внимание, и шепчу ему на ухо:

– Скажи Деклану, что я в деле. Готов сбывать его дурь.

Наутро просыпаюсь с тяжелой головой. С минуту шурюсь от яркого солнца и только потом понимаю, что я не у себя. Тихо застонав, переворачиваюсь на бок и вздрагиваю от

неожиданности: на кровати рядом со мной сидит, скрестив ноги, Тиффани и буравит меня злым взглядом.

– Мама готова тебя убить, – заявляет она.

Могла бы пожелать мне доброго утра как-нибудь по-другому.

Сонно приподнимаю брови.

– М-м-м?

Тиффани надувает губы. Не знаю, сколько сейчас времени, но она уже полностью одета, причесана и покрашена.

– Мама вчера была в бешенстве из-за того, что мы своим приходом ее разбудили, и вдобавок ты умял у нас полхолодильника, – поясняет Тиффани. – Советую тебе поскорей убраться. Я отвезу тебя домой.

Встав с кровати, она начинает поднимать с пола мою одежду и раздраженно швырять ею в меня.

– Баракло сестрицы тоже не забудь, – фыркает Тиффани и принимается собирать и кидать вещи Иден. Последним в меня летит телефон. – И да, спасибо, что опозорил меня вчера перед всеми. Это же так здорово – когда твой парень под кайфом!

Заставляю себя сесть на постели и тру лицо. У меня отходняк. Чувствую себя невыспавшимся и разбитым. Хотелось бы знать, что вчера произошло. Помню только, что много курил, пил и смеялся. А вот о том, как мы приехали к Тиффани и что случилось с Иден – никаких воспоминаний.

– Куда она вчера делась? – Моргая и щурясь, смотрю на

Тиффани. Яркий свет режет глаза. В горле совсем пересохло. – Я про Иден.

– Ушла примерно через полчаса, – равнодушно отвечает Тиффани. – Вот отстой, да? Дин подкинул ее до дома. Тебе, кстати, тоже пора. Поднимайся.

– Который час?

– Восемь.

– Восемь?! – повторяю я, гневно воззрившись на Тиффани. Вероятно, мы приехали несколько часов назад. – Всего восемь?! Какого черта?!

Тиффани, подбоченясь, окидывает меня жестким взглядом.

– Хочешь, чтобы мать тебя убила? Впрочем, если ты еще здесь удержишься, я сама тебя убью. Прямо руки чешутся. Вставай!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.